

INSPIRIA

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПЛОСКИЙ
МИР

НОГИ
из ГЛИНЫ

INSPIRIA

Плоский мир

Терри Пратчетт

Ноги из глины

«ЭКСМО»

1996

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Ноги из глины / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1996 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-04-122907-8

Убийства в Анк-Морпорке! Конечно, здесь убийства – обычное дело, но эти – несанкционированные! Да еще кто-то травит лорда Витинари! Неужели во всем виноваты големы, эти безмозглые глиняные болваны? И раз Витинари при смерти, не пора ли вернуть на трон короля? Правда, командор Городской Стражи Сэм Ваймс допустит это только через свой труп... Но за трупом дело не станет.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-122907-8

© Пратчетт Т., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	50
-----------------------------------	----

Терри Пратчетт

Ноги из глины

Terry Pratchett
Discworld: Feet of Clay

* * *

Feet of Clay first published by Victor Gollancz Ltd, London

This edition published by arrangement with Orion Publishing Group and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Terry Pratchett, 1996

© Пташкина Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Стояла теплая весенняя ночь, когда кто-то постучал кулаком в дверь – так сильно, что аж петли погнулись.

Мужчина открыл и выглянул на улицу. Ночь была пасмурная, от реки поднимался туман. С тем же успехом можно было пытаться что-то разглядеть сквозь белый бархат. Позже он вспоминал, что будто бы видел в тумане чьи-то неясные фигуры – как раз за границей света, льющегося из двери на мостовую. Множество фигур, которые внимательно за ним наблюдали. Кажется, он заметил смутные светящиеся точки...

Фигура напротив него, впрочем, была вполне определенной. Крупная, темно-красная, как будто вылепленная ребенком из глины. Глаза у нее горели, как два уголька.

– Ну и зачем ты ко мне явился посреди ночи?

Голем протянул ему табличку, на которой значилось:

МЫ СЛЫШАЛИ, ТЕБЕ НУЖЕН ГОЛЕМ.

Ах да, точно, големы ведь не разговаривают.

– Ха. Нужен? Еще как. По карману? Если бы. Я наводил справки, но за вас нынче три шкуры дерут...

Голем стер слова с таблички и написал:

ДЛЯ ТЕБЯ – СТО ДОЛЛАРОВ.

– Это за тебя столько?

НЕТ.

Голем посторонился, и на свет вышла другая фигура.

Это, несомненно, тоже был голем. Но не один из тех глиняных работяг, что иногда встречаются на улицах. Он сиял, будто отполированная статуя, безукоризненный во всем, вплоть до мелких деталей одежды. При взгляде на него вспоминались старинные картины, изобража-

ющие городских королей, с этими их горделивыми позами и царственными прическами. Даже на голове у него была вылеплена небольшая корона.

– Сто долларов? – подозрительно спросил человек. – Что с ним не так? Кто его продает?
ВСЕ ТАК. ОН САМО СОВЕРШЕНСТВО. ДЕВЯНОСТО ДОЛЛАРОВ.

– Кажется, кто-то хочет поскорее от него избавиться...

ГОЛЕМ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН.

– Да, да, верно, но всякое поговаривают... Мол, они могут свихнуться и начать работать без остановки, и все такое.

НЕ СВИХНУЛСЯ. ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

– На вид новехонький, – сказал человек, постучав по сияющей груди. – Но големов больше не производят, потому и стоят они столько, что скромным дельцам о них остается только мечтать... – Он осекся. – Их что, снова кто-то делает?

ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

– Слышал я, священники уже несколько лет как эту лавочку прикрыли. Если словят за таким, проблем не оберешься.

СЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

– Кто их делает?

ШЕСТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

– Он их продает Альбертсону? Или Спаджеру и Вильямсу? С ними и так трудно тягаться, так они еще денег скопили, чтоб фабрику новую отгрэхать...

ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

Человек обошел голема.

– Я это всё к чему: нельзя же сидеть и смотреть, как твоя компания схлопывается на глазах, потому что кое-кто занижает цены...

СОРОК ДОЛЛАРОВ.

– Религия религией, но святые отцы – плохие дельцы, а? Хм... – Он поднял взгляд на бесформенного голема, стоящего в тени. – Ты что, только что написал «тридцать долларов»?

ДА.

– Всегда любил оптовые цены. Погоди-ка минутку.

Он зашел в дом и вернулся с пригоршней монет.

– А с теми подонками ты тоже будешь торговать?

НЕТ.

– Хорошо. Передай своему боссу, что с ним приятно иметь дело. Проходи, весельчак!

Белый голем зашел в здание фабрики. Человек огляделся, шмыгнул за ним и захлопнул дверь.

В темноте зашевелились тени. Раздалось еле слышное шипение. Потом крупные тяжелые фигуры, слегка покачиваясь, направились прочь.

Немного погодя попрошайка, который стоял за углом, протягивая руку в надежде на милостыню, с изумлением обнаружил, что неожиданно стал богаче на целых тридцать долларов¹.

В сверкающих декорациях космоса вращался диск Плоского мира, совершая неспешные обороты на спинах четырех огромных слонов, что опирались на панцирь Великого А'Туина, звездной черепахи. Медленно плыли сквозь пространство континенты, а над ними, закручиваясь в другом направлении, плавно вальсировали циклоны и антициклоны, словно пары в

¹ Вскоре после этого он вусмерть напился, и его обманом завлекли на торговое судно, направляющееся в далекие дивные края, где он встретил множество юных девиц, не слишком обремененных одеждой. Позже он скончался, наступив тигру на хвост. Недаром говорят: делай добро и бросай его в воду!

бальном зале, движущиеся против общего потока. Триллионы тонн географии неторопливо катились по небу.

На штуки вроде географии и метеорологии люди смотрят свысока, и не только потому, что первая у них под ногами, а из-за второй они промокают до нитки. Дело в том, что ни одна из них не похожа на настоящую науку². Но если география – это просто заторможенная физика, из которой там и сям торчат деревья, то метеорология преисполнена изысканного хаоса и восхитительной сложности. Взять, например, лето. Это не только время, но и место. А еще лето – живое существо, и зимой оно отправляется на юг.

Даже в Плоском мире, с его крошечным солнцем, вращающимся по орбите, времена года сменяли друг друга. В Анк-Морпорке, величайшем из городов, лето отпихивало локтем весну, а потом получало тычок в спину от осени. С точки зрения географии особых изменений это в городе не вызывало, хотя поздней весной грязная пена на реке окрашивалась в приятный изумрудный оттенок. Весенняя дымка превращалась в осенний туман, который смешивался с дымом и парами из магического квартала и алхимических мастерских, пока не начинал жить собственной жизнью, густой и удушливой.

И время двигалось вперед.

Осенний туман жался к темным оконным стеклам. Струйка крови бежала по страницам редкого сборника религиозных трактатов, разорванного пополам.

Можно было без этого обойтись, подумал отец Трубчек.

Потом пришла мысль, что и без удара по его голове в общем-то можно было обойтись. Но отца Трубчека никогда особо не заботили подобные вещи. Люди исцелялись, книги – нет. Дрожащими руками он попробовал собрать страницы, но снова рухнул на спину.

Комната вращалась.

Дверь распахнулась. Половицы заскрипели под тяжелыми шагами. Вернее, под шагами, которые перемежались шарканьем.

Топ. Шарк. Топ. Шарк.

Отец Трубчек попытался сосредоточиться.

– Ты? – прохрипел он.

Кивок.

– Собери... эти... книги.

Книги подняли с пола и аккуратно сложили в стопку – пальцами, не слишком приспособленными для этого дела. Новоприбывший извлек из кучи хлама перо, что-то написал на клочке бумаги, свернул его и бережно вложил отцу Трубчеку в рот.

Умирающий священник выдавил улыбку.

– Мы устроены иначе, – пробормотал он, и свернутая бумажка, зажатая между губ, задрожала, как последняя сигарета перед казнью. – Мы сами... придумываем... свои... с...

Гость, стоя на коленях, какое-то время смотрел на него, а потом с величайшей осторожностью медленно наклонился и закрыл ему глаза.

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи Анк-Морпорка, хмуро посмотрел на свое отражение в зеркале и начал бриться.

Лезвие бритвы было для него освободительным мечом. Бритье – актом протеста.

Теперь для него постоянно набирали ванну (каждый день! и не подумаешь, что человеческая кожа способна такое выдержать). Раскладывали одежду (и что это была за одежда!). Готовили еду (да какую! он чувствовал, как с каждым днем набирает вес). И даже начищали ему башмаки (о, эти башмаки! не развалюхи с картонной подошвой, а солидные, сидящие аккуратно

² То есть на такую, которая позволяет отрастить кому-нибудь три лишние ноги, а потом взорвать все это к чертям.

по ноге, из сияющей натуральной кожи). Почти все за него делал кто-то другой, но есть вещи, с которыми мужчина должен справляться сам, и одна из таких вещей – бритье.

Он знал, что леди Сибилла относится к этому с легким неодобрением. Ее отец никогда в жизни не брился самостоятельно – у него для этого был специальный человек. Ваймс возражал на это, что слишком много лет таскался по ночным улицам и не испытывает восторга, когда кто-то машет лезвием возле его горла, но *истинная, негласная* причина заключалась в том, что ему была ненавистна сама идея разделения на тех, кого бреют, и тех, кто бреет. На тех, кто ходит в сверкающих башмаках, и тех, кто счищает с них грязь. Каждый раз, когда Ваймс наблюдал, как Вилликинс, дворецкий, складывает его одежду, он с трудом подавлял желание пнуть его лоснящийся зад, сам по себе оскорбляющий человеческое достоинство.

Лезвие неспешно скребло по выросшей за ночь щетине. Накануне Ваймс был на очередном званом ужине. Вспомнить, по какому случаю его устроили, уже не представлялось возможным. Кажется, он теперь всю жизнь проводил на таких ужинах. Бррр! Хихикающие дамы, жеманные молодые люди – те, что явно оказались в хвосте очереди, когда раздавали подбородки... И, как всегда, потом он отправился домой через окутанный туманом город, донельзя сердитый на самого себя.

Вернувшись, он заметил свет под дверью кухни, услышал голоса, смех и решил войти. Там был Вилликинс, и старик-истопник, и главный садовник, и мальчишка, который чистил ложки и разжигал камины. Они играли в карты. На столе стояли бутылки с пивом.

Он подвинул себе стул, отпустил пару шуточек и попросил, чтобы на него тоже раздали. Все были... приветливы. В определенном смысле. Но по мере игры Ваймс начал замечать, как мир вокруг него застывает и кристаллизуется. Он почувствовал себя шестерней, попавшей в песочные часы. Никто уже не смеялся. Все называли его «сэр» и прокашливались. Все вели себя очень... корректно.

Наконец он пробормотал извинение и встал из-за стола. Уже идя по коридору, он, кажется, услышал за спиной какое-то замечание, за которым последовал... ну, может быть, просто смех. Но не исключено, что это был смешок.

Лезвие аккуратно описывало полукружия возле носа.

Хе. Пару лет назад человек вроде Вилликинса пустил бы его на кухню только из снисхождения. И заставил бы разуться.

Так вот кто ты теперь такой, командор Сэмюэль Ваймс, сэр. Для больших шишек – выскочка, для всех остальных – большая шишка.

Он снова нахмурился, глядя на свое отражение.

Да, он и правда начинал на самом дне. А теперь у него было трехразовое питание, добротные башмаки, теплая постель и, если уж на то пошло, жена, верная подруга Сибилла. Правда, в последние дни она слишком уж часто заводила разговор о шторах, но сержант Колон уверял, что такое случается с женами, это биологически обусловлено и вообще в порядке вещей.

По правде говоря, Ваймс был довольно сильно привязан к своим старым дешевым башмакам. В них он чувствовал улицу. Подошвы у них были настолько тонкие, что даже в непроглядной ночи он мог определить, в каком районе находится, сделав несколько шагов по мостовой. Ох, ладно...

В зеркале для бритья, которым пользовался Сэм Ваймс, было что-то неуловимо странное. Благодаря легкому изгибу оно лучше отражало комнату, чем плоское зеркало, и в нем неплохо просматривались постройки и сады за окном.

Хм-м. Редеющая макушка. Явные залысины на лбу. Меньше придется расчесываться – но, с другой стороны, больше умываться...

В отражении что-то сверкнуло.

Он сделал шаг в сторону и пригнулся.

Зеркало разлетелось вдребезги.

Где-то за разбитым окном застучали шаги, а потом раздался грохот и крик.

Ваймс выпрямился. Выудил из кучи осколков самый крупный, прислонил его к черной арбалетной стреле, вонзившейся в стену, и продолжил бриться.

Закончив, он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать дворецкого. Рядом тут же материализовался Вилликинс.

– Сэр?

Ваймс сполоснул лезвие.

– Скажи-ка мальчишке, чтобы сбегал к стекольщику.

Дворецкий взглянул на окно и перевел глаза на разбитое зеркало.

– Да, сэр. Счет снова отправить в Гильдию Убийц, сэр?

– С моими наилучшими пожеланиями. И, пока бегают, пусть заглянет в лавку на Пяти-Семидворье и принесет мне новое зеркало для бритья. Тамошний гном знает, какие мне нравятся.

– Да, сэр. И я тотчас же вернусь с щеткой и совком, сэр. Уведомить ли ее светлость об этом происшествии, сэр?

– Не надо. Она всегда говорит, что я их сам подначиваю.

– Хорошо, сэр, – сказал Вилликинс.

Он дематериализовался.

Вытершись, Сэм Ваймс спустился в малую гостиную, открыл шкаф и достал оттуда новенький арбалет – свадебный подарок от Сибиллы. Сэм Ваймс привык к старым арбалетам Стражи, у которых была премерзкая привычка выстреливать прямо во владельца, когда тот оказывался в тесном углу, но этот, с промасленной ореховой рукоятью, был сделан на заказ компанией «Коренной и Рукисила». Говорили, что лучше не бывает. Потом он извлек из пачки тонкую сигару и неспешно направился в сад.

Из драконьего сарая доносился шум. Ваймс зашел внутрь, закрыл за собой дверь и приставил к ней арбалет.

Скулеж и визг усилились. Над толстыми стенами загонов заплясали язычки пламени. Ваймс склонился над ближайшим загоном, поднял свежевывлупившегося дракончика и пощекотал его под подбородком. Когда тот от возбуждения выпустил струйку огня, Ваймс зажег от неё сигару и посмаковал дым.

Он выдул колечко в сторону фигуры, висящей под потолком.

– Доброе утро, – сказал он.

Фигура лихорадочно задергалась. Каким-то непостижимым мышечным усилием ей удалось в полете зацепиться ногой за балку, но подтянуться уже не выходило. О падении не могло быть и речи. Внизу взволнованно подпрыгивала и плевалась огнем дюжина маленьких дракончиков.

– Э-э... доброе утро, – поздоровалась фигура.

– На улице снова прояснилось, – сказал Ваймс и потянулся к ведерку с углем. – Хотя, думаю, туман еще вернется.

Он бросил дракончикам маленький уголек. Тут же завязалась потасовка.

Ваймс достал еще угля. Юный дракон, ухвативший предыдущий кусочек, выдохнул заметно более длинный и жаркий сполох.

– Полагаю, – сказал молодой человек, – вас бесполезно убеждать спустить меня вниз?

Другой дракончик поймал уголь и изрыгнул огненный шар.

Молодой человек отчаянно качнулся, чтобы от него уклониться.

– Угадай, – сказал Ваймс.

– По здравом размышлении я прихожу к выводу, что с моей стороны было глупо залезать на крышу.

– Возможно, – сказал Ваймс. Несколько недель назад он провел не один час, подпиливая балки и аккуратно расшатывая черепицу.

– Стоило спрыгнуть со стены и укрыться в кустах.

– Вероятно, – сказал Ваймс. В кустах он поставил медвежий капкан.

Он зачерпнул еще угля.

– Я так понимаю, ты не расскажешь, кто тебя нанял?

– Боюсь, что нет, сэр. Вы же знаете правила.

Ваймс мрачно кивнул.

– На той неделе мы привели на суд к патрицию сына леди Силахии, – сказал он. – Этому юнцу не помешало бы усвоить, что «нет» значит «нет», а не «да, пожалуйста».

– Не исключено, сэр.

– А еще этот сынишка лорда Ржава. Видишь ли, нельзя стрелять в слуг за то, что они перепутали местами твои туфли. Иначе начнется форменный бардак. Пускай учится отличать правую сторону от левой, как все люди. И правую от неправой.

– Да, сэр, я слышу.

– Кажется, мы зашли в тупик, – заметил Ваймс.

– Похоже на то, сэр.

Ваймс прицелился и бросил кусок угля бронзово-зеленому дракончику, который ловко его поймал. Жар становился все сильнее.

– Чего я не понимаю, – сказал он, – так это почему почти вся ваша братия пытается меня достать или дома, или в конторе. Я же, в конце концов, все время брожу по городу. Могли бы пристрелить меня на улице, разве нет?

– Что, сэр? Как какие-то обычные головорезы?

Ваймс кивнул. У Гильдии Убийц были свои представления о чести – пускай смутные и извращенные.

– И сколько за меня просят?

– Двадцать тысяч, сэр.

– Могли бы и поднять цену, – заметил Ваймс.

– Совершенно согласен.

«Если он вернется в гильдию – так и будет», – подумал Ваймс. Убийцы всегда высоко ценили собственную жизнь.

– Давай-ка прикинем, – сказал Ваймс, изучая кончик сигары. – Гильдия забирает пятьдесят процентов. Остается десять тысяч долларов.

Убийца, судя по всему, обдумал это, затем потянулся к поясу и довольно-таки неуклюже кинул Ваймсу кошель. Тот поймал его на лету.

Потом Ваймс поднял арбалет.

– Сдается мне, – сказал он, – что если кого-то вдруг решат отпустить из сарая, у него есть все шансы добраться до двери, отделавшись несколькими легкими ожогами. Если этот кто-то окажется проворным. Насколько ты проворен?

Ответа не последовало.

– Конечно, этому кому-то нужно *очень* хотеть выжить, – продолжил Ваймс, устанавливая арбалет на столик для кормления и доставая из кармана кусок бечевки. Он привязал один конец бечевки к гвоздю, а другой закрепил на тетиве. А потом осторожно шагнул в сторону и нажал на спуск.

Тетива едва заметно дрогнула.

Убийца, наблюдающий за его действиями вниз головой, кажется, перестал дышать.

Ваймс как следует раскурил сигару – пока ее кончик не стал похож на адское пламя. Затем вынул ее изо рта и прислонил к натянутой бечевке, так чтобы еще чуть-чуть – и та начала тлеть.

– Дверь я запирать не стану, – сказал он. – Я, в конце концов, благоразумный человек. Буду с интересом наблюдать за твоими успехами.

Он кинул дракончикам остатки угля и вышел наружу.

День в Анк-Морпорке снова обещал быть насыщенным, и он едва начался.

На подходе к дому Ваймс услышал свист, щелчок и звуки, явно говорящие о том, что кто-то стремглав несется к пруду. Он улыбнулся.

Вилликинс ждал его, держа в руках камзол.

– Сэр Сэмюэль, не забудьте, что сегодня в одиннадцать у вас аудиенция с его превосходительством.

– Да-да, – сказал Ваймс.

– А в десять вам нужно зайти к геральдистам. Ее светлость донесла это очень недвусмысленно, сэр. Если быть точным, она выразилась так: «Скажи ему, что на этот раз не отвергнется», сэр.

– Хорошо.

– И ее светлость просила, чтобы вы постарались никого не бесить.

– Скажи ей, что я постараюсь.

– Ваш паланкин снаружи, сэр.

Ваймс вздохнул.

– Спасибо. У нас человек в пруду. Вылови его и налей ему чаю, ладно? Думаю, этот парень далеко пойдет.

– Непременно, сэр.

Паланкин. Ах да, паланкин. Свадебный подарок от патриция. Лорд Витинари знал, что Ваймс любит ходить по городским улицам, и подарок, который этому препятствовал, был вполне в его духе.

Паланкин ждал снаружи. Двое носильщиков выжидающе выпрямились.

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи, снова взбунтовался. Может, и надо было пользоваться этой проклятой штуковиной, но...

Он посмотрел на переднего носильщика и указал на дверцу паланкина.

– Залезай, – скомандовал Ваймс.

– Но сэр...

– Сегодня отличное утро, – сказал Ваймс и стянул с себя камзол. – Я сам поведу.

Дражайшие Матушка и Папа...

У капитана Моркоу из Городской Стражи Анк-Морпорка был выходной, и он предавался обыденным занятиям. Сперва он позавтракал в одном из близлежащих заведений. Потом сел писать письмо домой. Это всегда давалось ему нелегко. Письма от родителей были неизменно интересными, полными сводок о горных работах и радостных новостей о новых шахтах и многообещающих пластах породы. Ему же оставалось писать только об убийствах и подобных вещах.

Он пожевал кончик карандаша.

Неделя снова выдалась интересная. Я суежусь, как синяя муха, Честное Слово! Мы открываем новый Штаб на Тряпичной улице, рядом с Тенями, так что у нас их теперь Не Менее четырех включая те что в Сестрах Долли и Длинной Стене, и я единственный Капитан, поэтому я все время на посту. Лично я иногда скучаю по старым денькам, когда в нашем Брацтве были только я и Шнобби и сержант Колон, но на дворе век Летучей Мыши. Сержант Колон в конце месяца собирается уволиться, он говорит, что миссис Колон хочет, чтобы он купил ферму, он говорит, что ждет не дожидется тихой жизни за городом и хочет стать Ближе к Природе, я уверен вы ему тоже желаете успехов. Мой друг Шнобби все такой же Шнобби только еще шноббистее.

Моркоу рассеянно взял с тарелки недоеденную баранью отбивную и сунул под стол. Из-под стола послышалось «ам».

*Ну ладно о чем это я говорил, я вам конечно уже писал про Нерегулярные Части с Кабельной улицы, правда они до сих пор расположены в Псевдополис-Ярде, люди не любят когда стражники не носят форму, но командор Ваймс говорит, что преступники тоже не носят форму, так что ч*рт с ними со всеми.*

Он прервался. Тот факт, что даже на исходе второго года в Анк-Морпорке капитан Моркоу по-прежнему неловко себя чувствовал, употребляя слово «ч*рт», очень многое о нем говорил.

Командор Ваймс говорит, что тайные стражники нужны, потому что преступления тоже тайные...

Моркоу снова прервался. Он любил свои доспехи. Другой одежды у него не было. Сама идея Стражи в штатском была для него... немислимой. Это уравнивало стражников с пиратами, плавающими под чужими флагами. Или со шпионами. И все же он добросовестно продолжил:

...а командор Ваймс я уверен знает о чем говорит. Он говорит, это не то что в былые времена, когда стражники только и делали что ловили бедолаг, слишком глупых чтобы бежать!! Ну в общем все это значит, что будет намного больше работы и новые лица среди Стражи.

Ожидая, пока в голове сложится новое предложение, Моркоу взял с тарелки сосиску и опустил под стол.

Послышалось очередное «ам».

К нему подскочил официант.

– Еще одну порцию, господин Моркоу? За счет заведения.

В каждом трактире, в каждой забегаловке Анк-Морпорка Моркоу угощали бесплатно – в счастливой уверенности, что он все равно настоит на том, чтобы оплатить счет.

– Нет, спасибо. Все было очень вкусно. Вот, пожалуйста... двадцать пенсов, и сдачу оставьте себе.

– Как ваша юная леди? Не видел ее сегодня.

– Ангва? А, она... у нее свои дела, тут неподалеку. Но я обязательно передам, что вы о ней спрашивали.

Гном жизнерадостно кивнул и поспешил прочь.

Моркоу прилежно вывел еще несколько строчек и тихо, едва слышно сказал:

– Та лошадь с телегой – она до сих пор у пекарни Ломозуба?

Под столом кто-то заскулил.

– Правда? Как странно. Весь товар уже забрали, а муку обычно привозят не раньше полудня. И возничий все еще там?

Кто-то тихо гавкнул.

– Знаешь, эта лошадь слишком хороша, чтобы на ней развозить муку. А возничие, как правило, не забывают про торбу с овсом. А еще сегодня последний четверг месяца. Расчетный день в пекарне.

Моркоу положил карандаш и вежливо помахал рукой, чтобы привлечь внимание трактирщика.

– Господин Буравчик, пожалуйста, чашечку желудевого кофе. С собой.

Господин Хопкинсон, куратор Музея гномьего хлеба, что в Карусельном переулке, был изрядно взволнован. Помимо всего прочего, он только что умер. Но на данный момент он предпочитал относиться к этому как к досадному второстепенному обстоятельству.

Его до смерти забили батоном. Даже в худшей из человеческих пекарен такой расклад был бы маловероятен, но свойства гномьего хлеба как наступательного оружия трудно переоценить. Гномы относятся к хлебопечению как к боевому искусству. Когда они готовят каменные кексы, внешним сходством с камнями дело не ограничивается.

– Только посмотрите на эту вмятину, – пожаловался Хопкинсон. – Корочка насквозь пробита!

– КАК И ТВОЯ ГОЛОВА, – сказал Смерть.

– Да, да, – отозвался Хопкинсон. По его тону было ясно, что таких голов можно закупить по десятку за два пенса, а вот ценный музейный экспонат – совсем другое дело. – Но чем им не угодила старая добрая дубинка? Или молоток? Я бы дал, если бы меня попросили!

Смерть, и сам по натуре склонный к одержимости, понял, что рядом с ним настоящий мастер. Покойный господин Хопкинс говорил писклявым голосом и носил очки на черной ленте – сейчас на носу у его тени был призрачный двойник этих очков, – а это верные приметы человека, который вытирает мебель изнутри и раскладывает скрепки по размеру.

– Очень, очень плохо, – сказал господин Хопкинсон. – Я помог им с печью – и где благодарность? Похоже, мне придется жаловаться.

– ГОСПОДИН ХОПКИНСОН, ТЫ ОСОЗНАЕШЬ, ЧТО ТЫ МЕРТВ?

– МерТВ? – дрожащим голосом переспросил куратор. – Нет-нет. Я не могу себе этого позволить. Только не сейчас. Это очень некстати. Я даже не успел внести в каталог боевые булочки.

– И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ.

– Нет уж, я прошу прощения, но так не пойдет. Вам придется подождать. Сейчас мне не до этих пустяков.

Смерть был в замешательстве. Большинство людей после первоначального смятения с облегчением принимали тот факт, что они мертвы. С их плеч падал груз, который они все это время подспудно ощущали. На горе наконец-то свистел вселенский рак. Худшее оставалось позади, и они могли, фигурально выражаясь, начать жизнь с чистого листа. Мало кто воспринимал смерть как мелкое неудобство, от которого можно избавиться, если настрочить достаточно жалоб.

Рука господина Хопкинсона прошла через столешницу.

– Ой.

– ВИДИШЬ?

– Это в высшей степени неуместно. Вы не могли выбрать более подходящее время?

– ЭТО ПРИШЛОСЬ БЫ СОГЛАСОВАТЬ С ТВОИМ УБИЙЦЕЙ.

– Все это организовано из рук вон плохо. Я бы хотел подать жалобу. Я, в конце концов, плачу налоги.

– Я СМЕРТЬ, А НЕ НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР. Я ПРИХОЖУ ВСЕГО ОДИН РАЗ.

Тень господина Хопкинсона начала бледнеть.

– Я просто всегда старался как можно тщательнее все спланировать...

– Я ПРИВЫК РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИНЦИПОМ «ПРИНИМАЙ ЖИЗНЬ ТАКОЙ, КАКАЯ ЕСТЬ».

– Кажется, это очень безответственно...

– ТАКАЯ УЖ У МЕНЯ РАБОТА.

Паланкин остановился возле Псевдополис-Ярда. Ваймс оставил носильщиков разбираться с парковкой и направился внутрь, снова натягивая камзол.

В прежние времена – казалось, еще вчера, – штаб-квартира Стражи пустовала. Только сержант Колон дремал в кресле да капрал Шноббс сушил перед печкой свои портянки. А потом все вдруг переменилось...

Сержант Колон дожидался его с папкой.

– Пришли рапорты из других штабов, сэр, – сказал он, семеня вслед за Ваймсом.

– Что-нибудь интересное есть?

– Чутка странное убийство, сэр. В одном из тех домов, что на мосту Призрения. Какой-то старый священник. Я толком ничего и не знаю. Патрульные просто сказали, что нам стоит взглянуть.

– Кто обнаружил тело?

– Констебль Посети, сэр.

– О боги.

– Так точно, сэр.

– Попробую сегодня утром туда заскочить. Что-то еще?

– У капрала Шноббса с головой беда, сэр.

– Это я и так знаю.

– Я имею в виду, у него болит голова, и он отпросился, сэр.

– Что, на этот раз не на похороны бабушки?

– Никак нет, сэр.

– Сколько он их уже похоронил в этом году, кстати?

– Семь, сэр.

– Странная семейка эти Шноббсы.

– Так точно, сэр.

– Фред, тебе не обязательно называть меня «сэр».

– У нас посетитель, сэр, – сказал сержант, многозначительно кивая на скамью в приемной. – Хочет наняться в алхимики.

Гном на скамье нервно улыбнулся Ваймсу.

– Ладно, – сказал Ваймс. – Пусть пройдет ко мне в кабинет. – Он залез в карман камзола и достал кошель с деньгами убийцы. – Вложи это в Фонд помощи вдовам и сиротам, хорошо, Фред?

– Будет сделано. Отличный улов, сэр! Пара-тройка таких подарочков – и мы сможем позволить себе еще несколько вдов.

Сержант Колон снова уселся за стол, украдкой выдвинул ящик и достал книгу, которую читал. Она называлась «Уход за вашим хозяйством». Поначалу заглавие его озадачило: казалось бы, любой мужчина с этим справится, о чем тут писать? Но оказалось, что это всего лишь книга о том, как надлежит размножаться коровам, свиньям и овцам.

Теперь он размышлял, где бы взять книгу, чтобы научить их читать.

Ваймс поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл дверь кабинета. Гильдия Убийц – стоило отдать должное этим паршивцам – играла по правилам. Убивать случайного человека считалось ужасно дурным тоном. Помимо всего прочего, за это не платили. Так что Ваймс мог не опасаться ловушек у себя в кабинете: слишком много народу каждый день в него заглядывало. Но осмотрительность никому еще не вредила. У Ваймса был талант наживать состоятельных врагов, способных позволить себе услуги наемного убийцы. Убийцам должно было повезти лишь единожды; Ваймсу же должно было везти постоянно.

Он проскользнул в комнату и выглянул в окно. Ваймс любил держать его открытым, даже в холод. Ему нравилось прислушиваться к городскому шуму. Но всякого, кто попытался бы этим воспользоваться, по пути к окну подстерегали шатающиеся черепицы, ненадежные карнизы и предательские водосточные трубы – все преграды, на какие Ваймсу хватило изобретательности. А внизу он установил кованую ограду – очень красивую, а главное, очень острую.

Пока что перевес был на стороне Ваймса.

В дверь кто-то робко постучал.

Робкий гость оказался гномом-соискателем. Ваймс впустил его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол.

– Итак, – сказал он, – ты алхимик. Бровей нет, а на руках пятна от кислоты.

– Все верно, сэр.

– Нечасто встретишь гнома-алхимика. Люди вроде тебя обычно горбятся в дядюшкиной кузнице или вроде того.

Люди вроде тебя, отметил про себя гном.

– У меня с металлом не задалось, – сказал он.

– У *гнома* с металлом не задалось? Это что-то новенькое.

– Очень редкий случай, сэр. Но я неплохо преуспел в алхимии.

– В гильдии состоишь?

– Больше нет, сэр.

– Вот как? Как же ты ее покинул?

– Через крышу, сэр. Но я уверен, что понимаю, где именно оплошал.

Ваймс откинулся на спинку стула.

– Алхимики все время что-то взрывают. Ни разу не слышал, чтобы кого-то за это вытурили.

– Это потому что никто раньше не взрывал Совет Гильдии, сэр.

– Что, *весь* Совет взлетел на воздух?

– По большей части, сэр. По крайней мере, все, что плохо держалось.

Ваймс поймал себя на том, что рефлекторно выдвигает нижний ящик. Он снова его задвинул и, чтобы занять руки, поворошил бумаги на столе.

– Как тебя звать, парень?

Гном сглотнул. Он явно с содроганием ждал этого момента.

– Задранец, сэр.

Ваймс даже не поднял глаза.

– Ага, точно. Тут указано. Получается, ты родился в горах Убервальда, верно?

– Я... да, сэр, – сказал Задранец, слегка удивленный. Люди, как правило, не различали гномьи кланы между собой.

– Наш констебль Ангва тоже оттуда, – сказал Ваймс. – Так... тут сказано, что твое имя... не могу разобрать каракули Фреда... э-э-э...

Отступать было некуда.

– Шельма, сэр, – сказал Шельма Задранец.

– Шельма, говоришь? Приятно видеть, что старинные имена до сих пор в ходу. Шельма Задранец. Славно.

Задранец пригляделся. На лице Ваймса не промелькнуло даже мимолетной усмешки.

– Да, сэр. Шельма Задранец, – повторил он. И снова ни тени улыбки. – Моего отца звали Прохвост. Прохвост Задранец, – добавил он, повинувшись тому же порыву, который заставляет нас снова и снова нащупывать языком больной зуб.

– Серьезно?

– А его... А его отца звали Тот-еще Задранец.

Ни единого блика в глазах, ни даже самой малюсенькой складочки возле губ. Ваймс просто сдвинул бумаги в сторону.

– Что ж, Задранец, мы здесь работаем, а не ставим опыты.

– Да, сэр.

– Мы, Задранец, не взрываем все, что плохо держится.

– Конечно, сэр. У меня тоже не все взрывается, сэр. Кое-что просто плавится.

Ваймс побарабанил пальцами по столу.

– О трупях тебе что-нибудь известно?

– Все отделались легким сотрясением мозга, сэр.

Ваймс вздохнул.

– Послушай. Я кое-что смыслю в работе стражника. Ходи себе по городу и чеши языком. Но есть полно вещей, в которых я не разбираюсь. Вот мы прибыли на место преступления, а на полу серый порошок. Что это? Я понятия не имею. Но ваша братия знает толк во всяких зельях и варевах и, может, что-нибудь да подскажет. Или вот перед нами мертвец, с виду целый. Могли его отравить? Мне думается, нам нужен кто-то, кто представляет, какого цвета печень. Кто-то, кто заглянет ко мне в пепельницу и сразу скажет, какие сигары я курю.

– «Тонкие Цыгарки Горлодёра», – машинально ответил Задранец.

– Святые угодники!

– У вас пачка на столе, сэр.

Ваймс опустил взгляд.

– Ладно, ладно, – сказал он. – Иногда ответ на поверхности. Но иногда нет. Иногда мы даже не знаем, правильный ли задали вопрос.

Он встал.

– Не то чтобы мне особенно нравились гномы. Но тролли и люди мне тоже не нравятся, так что, думаю, это не беда. Так или иначе, ты единственный претендент на должность. Тридцать долларов в месяц, пять долларов на жилье, рабочий день заканчивается, когда позволит совесть, говорят, что где-то есть мифические существа под названием «сверхурочные», но их следов никто никогда не видел, если какой-нибудь тролль назовет тебя рудососом – вылетит со службы, если ты назовешь его шлакоблоком – тоже вылетишь, мы тут все одна большая семья, если участвовал в каких-нибудь семейных ссорах – определенно заметишь сходство, сам убедишься, мы выступаем единым фронтом, но движемся в основном на ощупь и порой очень смутно представляем себе рамки закона, хотя тем интереснее, формально у тебя будет звание капрала, но не вздумай раздавать приказы, в ближайший месяц ты на испытательном сроке, мы проведем инструктаж, как только появится время, а пока что раздобудь где-нибудь иконограф и жди меня на мосту Призрения... ох, черт... давай через час. Мне надо разобраться с этим проклятым гербом. Впрочем, мертвец за это время вряд ли станет еще мертвее. Сержант Детрит!

Что-то тяжелое со скрипом протопало по коридору, и в дверь просунулся тролль.

– Я, сэр!

– Это капрал Задранец. Капрал Шельма Задранец, сын Прохвоста Задранца. Приведи его к присяге, выдай значок и покажи, где что находится. Все ясно, капрал?

– Я постараюсь не запятнать честь доспехов, сэр, – сказал Задранец.

– Отлично, – бросил Ваймс и посмотрел на Детрита: – Кстати, сержант, мне тут пришел рапорт, что вчера ночью какой-то тролль в форме Стражи за уши прибил к стене одного из подручных Хризопраза. Тебе об этом что-нибудь известно?

Тролль сморщил свой необъятный лоб.

– А там что-нибудь сказано о том, что ентот подручный продавал Шлак тролльским детишкам?

– Нет. Тут сказано, что он шел читать духовную литературу своей престарелой матушке, – ответил Ваймс.

– А Хардкор видел значок ентого тролля?

– Нет, но он говорит, что тот тролль обещал загнать ему этот значок по самые помидоры, – сказал Ваймс.

Детрит мрачно кивнул.

– Нельзя так обращаться со значком. Не место ему на грядке.

– Кстати, – заметил Ваймс, – ты попал прямо в яблочко, это и вправду был Хардкор.

– Ета меня просто осенило, сэр, – сказал Детрит. – Я себе покумекал: какого подонка стоило бы повесить за уши, чтобы не толкал детишкам Шлак? И тут в голове будто молния сверкнула.

– Я так и подумал.

Шельма Задранец перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. Стражники смотрели друг на друга в упор, но говорили отстраненно, словно зачитывали реплики по невидимому сценарию.

Потом Детрит медленно покачал головой.

– Ета, наверное, самозванец, сэр. Такие шлемы, как у нас, раздобыть проще простого. Из моих троллей никто бы такого не сделал. Ета, сэр, было бы злоупотреблением, вот.

– Рад это слышать. Но для порядка все-таки проверь их шкафчики. А то на нас насядет Кремниевая Лига По защите Прав Троллей.

– Есть, сэр. И если окажется, что ета кто-то из моих троллей, я его хорошенько пропесочу. А может, и закирпичу.

– Хорошо. Ну что, ступай, Задранец. Детрит о тебе позаботится.

Задранец колебался. Происходящее не поддавалось разумному объяснению. Ваймс не упомянул ни топоры, ни золото. Он даже обошелся без фразы вроде «у нас отличные перспективы для роста». Все это не давало Задранцу покоя.

– Э-э-э... Я ведь назвал вам свое имя, верно, сэр?

– Да. Тут все записано, – ответил Ваймс. – Шельма Задранец. А что?

– М-м-м... Да ничего. Все так. Спасибо вам, сэр.

Ваймс прислушивался к их шагам, пока они уходили по коридору. Потом плотно закрыл дверь и натянул на голову камзол, чтобы никто не услышал его смеха.

– Шельма Задранец!

Шельма семенил за троллем по имени Детрит. Штаб Стражи постепенно заполнялся народом. Было очевидно, что здесь имеют дело с самыми разными вопросами, и решение многих из них требует крика.

Перед столом сержанта Колона стояли два тролля без доспехов, а между ними – третий тролль, поменьше. На фоне других он выделялся понурым видом, а также балетной пачкой и парой марлевых крылышек, прилепленных к спине.

– ...ничего не известно о том, чтобы тролли верили в Зубную фею, – говорил Колон. – Особенно по имени... – он скосил глаза вниз, – Бдзынь-Бдзынь. Так что, может, все-таки признаем, что это был взлом с проникновением без лицензии от Гильдии Воров?

– Это видовые предрассудки – не разрешать троллям верить в Зубную фею, – пробормотал Бдзынь-Бдзынь.

Один из троллей-стражников поднял мешок и высыпал на стол его содержимое.

На бумаги каскадом обрушились серебряные вилки и ложки.

– А это ты нашел под подушками, да? – спросил Колон.

– Мир не без щедрых сердец! – отозвался Бдзынь-Бдзынь.

За соседним столом усталый гном спорил с вампиром.

– Послушайте, – говорил он, – это нельзя считать убийством. Вы ведь и так мертвы.

– Он мне их прямо в сердце вонзил!

– Я уже допрашивал управляющего, и он сказал, что это был несчастный случай. И что он не имеет ничего против вампиров. Он просто нес три коробки простых карандашей, твердых, с ластиками, зацепился о край вашего плаща и споткнулся.

– Не понимаю, почему я не могу работать где хочу!

– Да, но... на карандашной фабрике?

Детрит взглянул сверху вниз на Задранца и ухмыльнулся.

– Ета, добро пожаловать в большой город, Задранец, – сказал он. – Интересное у тебя имя.

– Правда?

– Гномов обычно зовут Скалодроб, или Рукисила, или как-то так.

– Неужели?

Детрит не слишком хорошо разбирался в тонкостях отношений, но что-то в голосе Задранца заставило его напрячься.

– Интересное имя, но хорошее, – добавил он.

– Что такое Шлак? – спросил Шельма.

– Смесь нашатыря с радием. В голове от этого приятно звенит, но мозги плавятся. В горах эта большая беда, а теперь какие-то мерзавцы его толкают в городе, вот мы и пытаемся вычислить, откуда он тут берется. Ваймс мне разрешил провести, – Детрит нахмурился, – информационную кампанию, чтобы, значит, донести до всех, что бывает с шельмецами, которые продают детишкам енту дрянь...

Он махнул рукой в сторону крупного плаката на стене. На нем неровным почерком было выведено:

ПРОСТА СКАЖЫ ШЛАКУ «АаааргхаааанеттольконеэтоНЕЕЕЕЕТ» .

Потом он толкнул какую-то дверь.

– Ета старая уборная. Мы сюда больше не ходим, можешь тут мешать всякие свои порошки. Другого места под это у нас сейчас нет. Только отмой ее сначала, а то воняет сортиром.

Он открыл другую дверь.

– А эта раздевалка. У тебя будет свой крючок и так далее, а вот тут за ширмой можно переодеться. Вы ведь, гномы, народ стеснительный, я знаю. Работа непыльная, хоть и не для слабаков. Господин Ваймс очень даже ничего, пусть и странный местами, твердит все время, что город – это плавильный котел, где вся дрянь всплывает на самый верх, и всякое такое. Я тебе сейчас дам шлем и значок, но сначала, – он открыл довольно внушительный шкафчик у противоположной стены, на котором было выведено «ДТРИТ», – надо куда-нибудь спрятать этот молот.

Двое мужчин выбежали из гномьей пекарни Ломозуба («Корочка – тверже камня!»), вскочили на телегу и крикнули возничему, чтобы тот немедленно двигал.

Тот обернулся, белый как полотно, и показал на дорогу.

Там сидел волк.

Это был не самый ординарный волк. У него был светлый мех, за ушами почти переходящий в гриву. А еще волки обычно не сидят посреди дороги как ни в чем не бывало.

Волк рычал. Он издавал низкий протяжный рык – звуковой эквивалент догорающего фитиля.

Лошадь замерла. Страх побуждал ее рвануться с места, но ужас не позволял шевельнуться.

Один из мужчин осторожно потянулся за арбалетом. Рык сделался чуть громче. Он еще осторожнее отвел руку. Рык снова притих.

– Что это?

– Это волк!

– В городе? Чем он тут питается?

– Тебе правда не терпится узнать?

– Доброе утро, джентльмены! – сказал Моркоу и отошел от стены, к которой до этого прислонялся. – Кажется, туман снова сгущается. Пожалуйста, лицензии Гильдии Воров!

Джентльмены обернулись. Моркоу жизнерадостно улыбнулся и ободряюще кивнул.

Один из них похлопал себя по карманам, тщательно изображая рассеянность.

– Ах, да. Сейчас. Хм. Мы с утра очень торопились, должно быть, забыли дома...

– Раздел второй, правило первое устава Гильдии Воров гласит, что члены Гильдии должны всегда иметь при себе документы, когда они заняты профессиональной деятельностью.

– Он даже меч из ножен не вытащил! – прошептал самый бестолковый из троих.

– А зачем ему меч, если у него волк наготове?

Кто-то что-то писал в сумерках. Шорох пера был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Пока не скрипнула дверь.

Писавший мигом обернулся, встрепенувшись как птица.

– Ты? Я же говорил тебе больше сюда не приходите!

– Знаю, знаю, но от этого истукана одни беды! Конвейер остановился, он вырвался наружу и убил того священника!

– Кто-нибудь это видел?

– В таком-то тумане? Сомневаюсь. Но...

– Ах-ха, тогда это не стоит внимания.

– Не стоит? Они не должны убивать людей. Ну... по крайней мере, – нехотя добавил посетитель, – не должны разбивать им голову.

– Убьют, если им велено.

– Я никогда ему ничего подобного не приказывал! И вообще, что, если он решит поднять руку на меня?

– На своего хозяина? Они не могут ослушаться слов, которые в них вложены.

Посетитель сел и покачал головой.

– Да, но что там за слова? Я не знаю, не знаю, это уже слишком, этот чертов болван все время отирается где-то рядом...

– И обеспечивает тебе небывалые прибыли...

– Ладно, ладно, но насчет остального... Насчет яда... Я никогда не...

– Умолкни! Увидимся вечером. Можешь сказать остальным, что у меня есть на примете кандидат. И если ты осмелишься снова сюда явиться...

Королевская геральдическая палата Анк-Морпорка оказалась зелеными воротами в стене на Моллимогской улице. Ваймс дернул за шнурок звонка. По ту сторону стены что-то забренчало, и следом тут же грянула какофония рева, воя, свиста и уханья.

Кто-то крикнул:

– Тихо, малыш! Лежать! Мне нужен отдыхающий лев! Отдыхающий, а не восстающе-сидящий! Вот так, будь хорошим мальчиком, и получишь свой сахар. Вильям! Прекрати немедленно! Отпусти его! Милдред, не трогай Грэхема!

Гомон слегка притих, и послышались шаги.

Калитка в воротах чуть приоткрылась.

Ваймс увидел очень узкий фрагмент очень низкорослого человека.

– Да-да? Вы мясник?

– Командор Ваймс, – сказал Ваймс. – У меня назначена встреча.

Животные снова заголосили.

– А? Что?

– Командор Ваймс! – прокричал Ваймс.

– О. Тогда заходите, прошу вас.

Дверь распахнулась. Ваймс прошел внутрь.

Несколько десятков пар глаз с подозрением уставились на Ваймса. Одни были маленькие и красные. Другие, крупные, выдавались над поверхностью мутного пруда, который занимал изрядную часть двора. Третьи таращились с насеста.

Во дворе было полно животных, но животного запаха в этом дворе было куда больше. В большинстве своём звери были очень старые, что делало запах ещё гуще.

На Ваймса зевнул беззубый лев. Шествующий лев – или, по крайней мере, празднующийся – являл собой удивительное зрелище, но ещё удивительнее был тот факт, что на нем, как на подушке, возлежал пожилой грифон, задрав сверху все четыре лапы.

Здесь были ежи, и седеющий леопард, и облезлые пеликаны. Позеленевшая поверхность пруда вздыбилась, и наружу с зевком высунулось двое гиппопотамов. Никто не сидел на привязи, и никто никого не пытался съесть.

– Тут у нас по первому разу все разевают рты, – сказал его провожатый, тоже немолодой. Одна нога у него была деревянная. – Мы тут все одна дружная семья.

Ваймс повернулся и уперся взглядом в маленькую сову.

– О боги, – сказал он. – Это же морпорк, да?

Лицо старика расплылось в радостной улыбке.

– Да вы, сэр, не чужды геральдике! – крикнул он. – Предки Дафны прибыли с далеких островов по ту сторону Пупа, да, именно оттуда.

Ваймс достал значок Городской Стражи и всмотрелся в отчеканенный герб.

Старик заглянул ему через плечо.

– Это, конечно, не Дафна, – сказал он, указывая на сову, сидевшую на кресте-анке. – Это ее прапрабабушка Оливия. Морпорк на анке, видите? Это каламбур, игра слов. Смешно, правда? А я только начал! Тут полным-полно поводов для веселья. Нам бы не помешала пара для этой совы, скажу вам откровенно. И самка гиппопотама. Его светлость, конечно, говорит, что у нас и так есть два гиппопотама, и он совершенно прав, я просто хочу сказать, что для Родрика и Кита не очень естественно... я никого не осуждаю, но как-то это неправильно, вот и все, что я хочу сказать. Простите, как, вы говорите, вас зовут?

– Ваймс. Сэмюэль Ваймс. Это моя жена назначила встречу.

Старик снова крикнул:

– О, так оно обычно и бывает.

Двигаясь, несмотря на деревянную ногу, весьма проворно, старик провел его среди дымящихся куч самого разнообразного навоза к строению в глубине двора.

– Что ж, для сада это, наверное, хорошо, – заметил Ваймс в попытке как-то поддержать разговор.

– Я пытался этим удобрять ревень, – сказал старик, толкая дверь. – Но он вымахал до двадцати футов, сэр, а потом вдруг вспыхнул и сгорел. Осторожно, тут проходила виверна, хворает она сейчас... ох, какая досада. Но не переживайте, это очень легко отчистить, когда высохнет. Покорно прошу вас, сэр, заходите.

Насколько во дворе было светло и шумно, настолько темно и тихо было в зале. Здесь стоял сухой могильный запах старых книг и храмовых сводов. Когда глаза привыкли к темноте, Ваймс разглядел над головой многочисленные знамена. В зале было несколько окон, но завеса из паутины и дохлых мух делала сочащийся через них свет тусклым и серым.

Старик закрыл дверь, оставив Ваймса одного в зале. Ваймс через окно проследил, как тот, прихрамывая, возвращается к занятию, прерванному его появлением.

А занимался он сооружением живого герба.

Во дворе стоял внушительных размеров щит. К нему была прибита капуста – самые настоящие кочаны капусты. Старик что-то произнес – Ваймс не расслышал, что именно. Маленькая сова спорхнула с насеста и приземлилась на крупный крест-анк, приклеенный к верхней части щита. Гиппопотамы выбрались из воды и заняли позиции по обеим его сторонам.

Старик разложил перед щитом мольберт, поставил на него холст, взял кисть, палитру и крикнул:

– Оп-ля!

Гиппопотамы натужно взревели. Сова раскинула крылья.

– Боги всемогущие, – пробормотал Ваймс. – Мне всегда казалось, что они все это просто выдумывают!

– Выдумывают, сэр? *Выдумывают?* – возмутился голос позади него. – Мы бы далеко не ушли, если бы что-то выдумывали, ох, не ушли бы.

Ваймс обернулся. За его спиной вырос еще один старичок, который жизнерадостно моргал сквозь толстые стекла очков. Под мышкой он сжимал несколько свитков.

– Простите, что не смог встретить вас у ворот, но у нас сейчас очень много работы, – сказал он, протягивая свободную руку. – Круассан Руж.

– Э-э... Красная слоеная булочка? – оторопело переспросил Ваймс.

– Нет-нет, вовсе нет! Переводится как «Алый Полумесяц». Это мой титул. Очень древний титул. Я геральдист. А вы, вероятно, сэр Сэмюэль Ваймс?

– Да.

Алый Полумесяц сверился со свитком.

– Ладно. Хорошо. Что насчет ласок? – спросил он.

– Ласок?

– У нас тут есть несколько ласок. Животные не совсем геральдические, но надо же их куда-то девать, и я, если честно, подумываю их отпустить, если только мы не уговорим кого-то взять их себе, а это огорчит Пардессю Шатена. Он всегда запирается в сарае, когда огорчен...

– Пардессю... вы про того старика во дворе? – спросил Ваймс. – Но я... почему он... я хочу сказать, герб – это же просто рисунок. Вам не обязательно писать его с натуры!

Алый Полумесяц, похоже, был поражен.

– Что ж, если вы хотите превратить это в фарс, то, конечно, можете все выдумать. Ваше право, – сказал он. – В общем... значит, ласки не подходят, да?

– Лично я предпочел бы вообще ни с чем не возиться, – сказал Ваймс. – И уж точно не с ласками. Моя жена говорила, что драконы...

– К счастью, нам не придется беспокоиться, – донесся голос из темноты.

Такие голоса невозможно услышать на свету. Он был сухим, как прах. Он звучал так, будто исходил изо рта, никогда не знавшего радости слюны. Этот голос казался мертвым.

И не только казался.

Булочные воришки взвесили свои перспективы.

– У меня рука на арбалете, – сказал самый деятельный из троицы.

– Да? А у меня сердце в пятках, – сказал самый здравомыслящий.

– Ох, – сказал третий. – У меня слишком слабое сердце для такого, я...

– Да-да, но я имел в виду... Он ведь даже меч не обнажил. Если я возьму на себя волка, с парнем вы справитесь на раз-два, разве нет?

Тот, что поразумнее, посмотрел на капитана Моркоу. Его броня сияла. Как и мускулы на руках. Даже колени у него поблескивали.

– Кажется, мы в патовой ситуации, – сказал Моркоу. – Проще говоря, зашли в тупик.

– А что, если мы просто отдадим деньги? – спросил тот, что поразумнее.

– Это определенно улучшит положение.

– И ты нас отпустишь?

– Нет. Но это совершенно точно вам зачтется, и я при случае выскажусь в вашу поддержку.

Тот, что похрабрее, с арбалетом, облизал губы и перевел взгляд с Моркоу на волка.

– Натравишь его на нас – кому-то не поздоровится, так и знай! – предупредил он.

– Да, не исключено, – с грустью подтвердил Моркоу. – Мне бы хотелось по возможности этого избежать.

Он поднял руки. В каждой было что-то плоское, круглое, около шести дюймов в диаметре.

– Это, – сказал он, – гномий хлеб. Гордость пекарни Ломозуба. Конечно, это не классический боевой хлеб, но для нарезки, думаю, стодится...

Моркоу взмахнул рукой. Взвился фонтан опилок, и плоская буханка, взрезав плотную древесину повозки, остановилась в полудюйме от жулика со слабым сердцем – и, судя по всему, столь же слабым мочевым пузырем.

Вор с арбалетом отвел взгляд от хлеба, только когда ощутил легкое влажное нажатие на запястье.

Животные просто не способны так быстро двигаться, но этому волку удалось. А еще он ухитрился мягко намекнуть выражением своей морды, что нажатие может усиливаться почти бесконечно, было бы желание.

– Отзови своего волка! – сказал вор и свободной рукой отшвырнул арбалет. – Прикажи ему, чтобы отпустил!

– О нет, я не могу ей приказывать, – сказал Моркоу. – Она сама решает, что делать.

Послышался грохот кованых сапог, и из ворот пекарни высыпали полдюжины гномов с топорами. Высекая подметками искры, они подбежали к Моркоу и замерли.

– Взять их! – проорал господин Ломозуб. Моркоу опустил руку ему на шлем и развернул гнома к себе.

– Это я, господин Ломозуб, – сказал он. – Я так полагаю, это и есть ваши воры?

– Они самые, капитан Моркоу! – ответил пекарь. – А ну, ребята, вздернем этих мерзавцев за бур'а-дзакк!³

– О-о-о, – сокрушенно простонал вор со слабым сердцем.

– Тише, тише, господин Ломозуб, – успокаивающе сказал Моркоу. – Мы в Анк-Морпорке не практикуем этот вид наказания⁴.

– Они оглушили Бьорна Тугоштана! А Олафа Рукисилу пнули прямо в бад'дхаз!⁵ Да мы имотрежем...

– Господин Ломозуб!

Гном-пекарь секунду колебался, а потом, к изумлению и облегчению воров, отступил на шаг.

– Ну ладно, капитан Моркоу, так и быть. Раз уж вы говорите...

– Меня ждут дела, но я буду признателен, если вы отведете их в Гильдию Воров, – сказал Моркоу.

Мозговитый вор побледнел.

– Пожалуйста, не надо! Они очень строги к тем, кто ворует без лицензии! Что угодно, только не это!

Моркоу обернулся, и свет упал на его лицо под очень своеобразным углом.

– Что угодно? – спросил он.

Нелицензированные воришки переглянулись и хором заговорили:

– Гильдия Воров. Хорошо. Как скажете.

– Мы любим Гильдию Воров.

– Жду не дождусь, поскорее бы попасть в Гильдию!

– Отличная организация.

– Суровая, но справедливая.

³ За городской ратушей.

⁴ Потому что в Анк-Морпорке нет городской ратуши.

⁵ Чан с дрожжами.

– Вот и славно, – сказал Моркоу. – Значит, договорились. Ах да, – он запустил руку в кошель с деньгами, – вот пять пенсов за буханку, господин Ломозуб. Одной из них я воспользовался, но, думаю, вы ее без труда отыщете.

Гном часто заморгал, уставившись на монеты.

– Вы платите мне за то, что сберегли мои деньги? – спросил он.

– Городская Стража обязана вас защищать как честного налогоплательщика, – ответил Моркоу.

Повисла неловкая пауза. Господин Ломозуб опустил глаза. Кто-то из гномов хихикнул.

– Вот что, – дружелюбно сказал Моркоу, – я улучу минутку, зайду к вам и помогу разобраться с отчетностью. Что скажете?

Затянувшееся молчание нарушил вор:

– Э-э-э... А можно ваша... можно ваша собачка отпустит мою руку? Пожалуйста!

Волк разжал челюсти, отпрыгнул от повозки и подошел к Моркоу. Тот уважительно отдал честь.

– Хорошего всем дня, – сказал он и направился прочь.

Воры и их жертвы смотрели ему вслед.

– Нам это все не примерещилось? – спросил мозговитый.

Пекарь зарычал, а потом завопил:

– Ах вы ублюдки! Паршивцы поганые!

– Ну что еще? Ты же получил назад свои деньги!

Двое работников пекарни удержали господина Ломозуба от того, чтобы броситься на воров.

– Три года! – крикнул он. – Три года, и всем было плевать! Три года, черт бы их побрал, и никто даже в дверь не постучал! А тут он. Такой вежливый, такой любезный! Он, наверное, даже принесет бумажек с запасом, чтобы ко мне точно никто не придрался! Почему вы, мерзавцы этикие, просто не сбежали?

Ваймс обвел глазами сумрачный зал, пропахший сыростью. Голос донесся будто бы из могилы.

В глазах у маленького геральдиста мелькнула паника.

– Будет ли сэр Сэмюэль Ваймс так любезен подойти сюда? – спросил голос. Он звучал резко, четко, чеканя каждый слог. Говорить таким голосом – все равно что глядеть не моргая.

– А это, э-э... Дракон, – сказал Алый Полумесяц.

Ваймс потянулся за мечом.

– Дракон, Король Гербов, – уточнил геральдист.

– Король Гербов? – переспросил Ваймс.

– Это всего лишь титул, – произнес голос. – Прошу вас покорно, входите.

Почему-то в подсознании Ваймса эти слова сами собой сложились в приказ: «Покорно входите».

– Король Гербов, – повторил Дракон, когда Ваймс вошел в сумрак его кабинета. – В мече нет нужды, командор. Я Дракон уже больше пяти сотен лет, но, уверяю вас, так и не научился дышать огнем. Ах-ха. Ах-ха.

– Ах-ха, – отозвался Ваймс. Он не мог четко разглядеть силуэт Дракона. Свет исходил только из запыленных окошек высоко под потолком да от нескольких дюжин коптящих свечей. В тени угадывались разве что сгорбленные плечи.

– Прошу покорно, садитесь, – сказал Дракон, Король Гербов. – И я буду чрезвычайно признателен, если вы посмотрите налево и приподнимете подбородок.

– Чтобы обнажить шею, что ли? – спросил Ваймс.

– Ах-ха. Ах-ха.

Фигура взяла канделябр и придвинулась поближе. Костлявая рука ухватила Ваймса за подбородок и мягко повернула его сначала вправо, потом влево.

– О да. Профиль у вас определенно Ваймсов. А вот уши... Ну конечно же! Ваша бабушка по матери была из Скобов. Ах-ха...

Ваймс снова ухватился своей определенно ваймсовой рукой за рукоять не менее ваймсового меча. Столько силы в таком хрупком теле могло быть только у одного существа.

– Я так и думал! Вы вампир! – сказал он. – Кровосос проклятый!..

– Ах-ха, – Дракон то ли засмеялся, то ли закашлялся. – Да. Я действительно вампир. И наслышан о ваших взглядах на вампиров. «Слишком шустрые для мертвецов», – кажется, так вы выражаетесь? Очень метко сказано. Ах-ха. Вампир – да. Кровосос – вовсе нет. Кровяная колбаса, эта вершина мясницкого мастерства, – другое дело. А в крайнем случае на Длиннососисочной улице полно кошерных мясных лавок. Ах-ха. Мы все справляемся как можем, ах-ха. Девственницам меня можно не опасаться, ах-ха, – уже несколько сотен лет, как ни прискорбно. Ах-ха.

Фигура отступила – вместе с кругом света.

– Боюсь, вы зря потратили время, командор Ваймс.

Глаза Ваймса постепенно привыкали к мерцающему свету. Комната была заставлена книгами. Все они лежали в стопках на полу. Из каждой торчали закладки, похожие на раздавленные пальцы.

– Не понимаю, о чем вы, – сказал Ваймс. То ли Дракон, Король Гербов, очень сильно сутулился, то ли под его бесформенным одеянием прятались крылья. Кое-кто из этих тварей умеет летать, как летучие мыши, вспомнил Ваймс. Интересно, сколько лет этому вампиру? «Жить» они могут практически вечно...

– Я полагаю, что вы здесь, поскольку, ах-ха, по общему мнению, вам подобает иметь свой герб. Боюсь, это невозможно. Ах-ха. Герб Ваймсов существовал, но восстановлению он не подлежит. Таковы правила.

– Что за правила?

Послышался глухой стук – Дракон взял из стопки книгу и открыл ее.

– Уверен, вы знаете своих предков, командор. Вашим отцом был Томас Ваймс, его отцом – Гиллиам Ваймс...

– Дело в Старине Камнелице, да? – ровным голосом произнес Ваймс. – Все наверняка упирается в Старину Камнелица.

– Совершенно верно. Ах-ха. Я-Сама-Справедливость Ваймс. Ваш предок. Командор Городской Стражи Анк-Морпорка в 1688 году. И царевый. Как известно каждому школяру, это он убил последнего короля Анк-Морпорка.

– Не убил, а казнил!

Дракон пожал сгорбленными плечами.

– Так или иначе, его фамильный герб был, как выражаются у нас в геральдике, *Excretus Est Ex Altitudine*. То есть *Depositatum De Latrina*. Уничтожен. Запрещен. Предан забвению. Его земли отняли, его дом снесли, его страницу вырвали из истории. Ах-ха. Знаете ли, командор, забавно, что многие наследники, ах-ха, «Старины Камнелица», – вокруг прозвища безошибочно угадывались изгибы кавычек, как будто Дракон аккуратно вынул его пинцетом из кучи прочих гадостей, – были офицерами Стражи. Полагаю, командор, что вы тоже не избежали этого прозвища. Ах-ха. Ах-ха. Интересно, передается ли по наследству желание стереть память о бесчестье. Ах-ха.

Ваймс скрипнул зубами.

– Хотите сказать, что у меня не может быть герба?

– Так и есть. Ах-ха.

– Потому что мой предок убил... – Он осекся. – Нет, это была даже не казнь, – продолжил он. – Казнят людей. Животных просто забивают.

– Он был королем, – мягко сказал Дракон.

– Да-да, конечно. А в подземелье у него стояли машины для...

– Командор, – сказал вампир и поднял руки, – у меня такое чувство, что вы меня не понимаете. Кем бы он ни был, он был королем. Видите ли, корона – это не шлем Стражи, ах-ха. Даже если ее снять, она останется на голове.

– Старина Камнелиц снял ее вместе с головой.

– Но короля даже не судили.

– Потому что не нашлось охотников на роль судьи, – сказал Ваймс.

– Кроме вас... то есть вашего предка.

– И что? Кто-то должен был это сделать. Есть чудовища, которым не место на земле.

Дракон нашел страницу, которую искал, и развернул книгу к Ваймсу.

– Так выглядел его герб, – сказал он.

Знакомая сова на кресте венчала собой щит, разделенный на четыре части. В каждой части был свой символ.

– Что это за корона, пронзенная кинжалом?

– О, это традиционный символ, ах-ха. Означает, что он защитник короны.

– Серьезно? А эти прутья, из которых торчит топор?

– Фасции. Они символизируют, что он был... служителем закона. Кстати, кто бы мог подумать, что топор окажется предвестником грядущих событий? Только, боюсь, топором ничего не решишь.

Ваймс посмотрел на третий сектор щита. Там было изображено что-то вроде мраморного бюста.

– Это символизирует его прозвище, – с готовностью подсказал Дракон. – Он просил, чтобы к нему сделали какую-нибудь отсылку. Иногда геральдика – это просто искусство каламбура.

– А вот этот, последний символ? Гроздь винограда? Что, любил приложиться к бутылке? – угрюмо спросил Ваймс.

– Нет. Ах-ха. Просто игра слов. Виноград по-лататиански – *Vinum*, он же *Vitis*. Чем-то похоже на его фамилию.

– А, ясно. Искусство плохого каламбура. Вы небось по полу катались от смеха.

Дракон захлопнул книгу и вздохнул.

– Те, кто просто выполняет свой долг, редко удостоиваются похвалы. Увы, таковы обстоятельства, и я не в силах на них повлиять. – Его мертвый голос слегка оживился: – И все же, командор... мне было чрезвычайно приятно услышать о вашем бракосочетании с леди Сибиллой. Очень знатный род. Одно из самых благородных семейств в городе, ах-ха. Овнецы, Силачии, Вентури, Шноббсы, конечно...

– Так что, мы закончили? – спросил Ваймс. – Я пошел?

– Ко мне редко приходят посетители, – сказал Дракон. – Обычно всех встречают геральдисты, но я подумал, что вы заслуживаете обстоятельного объяснения. Ах-ха. У нас сейчас напряженное время. Когда-то мы занимались настоящей геральдикой. Но, как все любят повторять, на дворе век Летучей Мыши. Такое ощущение, что теперь, стоит человеку открыть вторую лавку с пирожками, он уже поневоле причисляет себя к знатным особам. – Он обвел бледной иссохшей рукой три листа пергамента, приколотые к доске друг за другом. – Сапожник, портной... – Он тонко усмехнулся. – Вернее, мясник, пекарь и свечных дел мастер. И никуда не денешься: приходится копаться в архивах и выискивать следы их благородного происхождения...

Ваймс взглянул на три нарисованных щита.

– Вот этот я как будто где-то видел, – заметил он.

– Это как раз герб господина Артура Мастерса, продавца свечей, – сказал Дракон. – Едва дела пошли в гору, как он возомнил себя аристократом. Щит *en metal gris* рассечен левой перевязью *d'une mèche* – то есть щит серо-стального цвета, символизирующего упорство и душевный жар обладателя (ох и задал нам жару этот свечник!), разделен надвое фитилем. В верхней части – *chandelle dans la fenêtre avec rideaux houlant* (свеча в окне, заливающая все теплым сиянием, ах-ха), в нижней – два зажженных подсвечника: они знаменуют, что этот жалкий тип продает свечи и бедным, и богатым. К счастью, его отец владел пастбищами, так что в нижней части удалось изобразить голову яка – символ плодородия. А в верхней части – символ нового времени, летучую мышь. Девиз я оставил на современном общеупотребимом языке – он звучит как «Свечи, рожденные мастерством». Не удержался от небольшого каламбура, ах-ха.

– Просто живот надорвешь, – сказал Ваймс. Какая-то мысль билась у него в голове, требуя внимания.

– Это для господина Герхардта Крюка, главы Гильдии Мясликов, – сказал Дракон. – Жена ему сказала, что у всех порядочных людей есть герб, а кто мы такие, чтобы спорить с дочерью колбасного магната? Так что мы сделали для него красный щит, в цвет крови, с синими и белыми полосками – в цвет мясницкого фартука, рассеченный перевязью из сосисок, а в центр поместили руку в перчатке, сжимающую тесак, – в боксерской перчатке, потому что всякий хороший боец тоже в своем роде мясник, ах-ха. Девиз – *Futurus Meus est in Visceris*, что переводится как «Мое будущее во внутренностях»: намек одновременно на его профессию и на давнюю традицию, ах-ха, предсказания...

– ...будущего по внутренностям, – закончил Ваймс. – Потрясающе.

Мысль, пытаясь привлечь к себе внимание, отчаянно заколотила изнутри в череп.

– А вот этот герб, ах-ха, для Рудольфа Горшка из Гильдии Пекарей, – сказал дракон, указывая костлявым пальцем на третий щит. – Сможете сами его прочесть, командор?

Ваймс угрюмо взглянул на герб.

– Ну, он разделен на три части, и тут нарисованы роза, пламя и горшок, – сказал он. – Э-э-э... В печи горит огонь, а горшок, наверное, для воды...

– И отсылает к имени. Как и роза, – добавил Дракон.

– Но его же не Розой зовут... – Ваймс недоуменно моргнул. – Роза золотая, как пшеница, значит, это намек на зерно. Зерно, огонь и вода! Ох. А еще золото – это руда, а его зовут Рудольф... Только горшок какой-то странный... как будто ночной.

– Пекарь по-лататиански – *pistor*. Почти как писсуар, – сказал Дракон. – Да вам впору самому становиться геральдистом, командор! А девиз?

– *Quod Subigo Farinam*, – прочитал Ваймс и наморщил лоб. – «Потому что»... Тут что-то про зерно или про муку, да?.. А хотя погодите-ка... «Потому что крутой замес»?

Дракон хлопнул в ладоши.

– Превосходно, сэр!

– Я погляжу, вы тут развлекаетесь на полную катушку, – сказал Ваймс. – Что, это и есть геральдика? Шарады и каламбуры?

– Конечно же, это лишь малая ее часть, – ответил Дракон. – Эти гербы довольно нехитрые. Мы, по сути, выдумываем их с нуля. Тогда как гербы древних родов, таких как Шноббсы...

– Шноббсы! – воскликнул Ваймс, которого наконец-то осенило. – Точно! Вы говорили про Шноббсов! Когда перечисляли знатные семейства.

– Ах-ха. Простите? Ах да. Верно. Да, действительно, очень почтенный род. Ныне, увы, пребывающий в упадке.

– Вы же не хотите сказать, что Шноббс... капрал Шноббс... – с дрожью в голосе проговорил Ваймс.

Снова со стуком раскрылась книга. В рыжевatom свете Ваймс мельком увидел несколько перевернутых щитов и буйно разросшееся генеалогическое древо.

– Ну надо же. Вы говорите о С. У. С-Дж. Шноббсе?

– Э-э-э... да. Да!

– Сыне Сконнера Шноббса и леди, обозначенной здесь как Мэйси с улицы Вязов?

– Возможно.

– Внуке Сляпа Шноббса?

– Похоже на правду.

– Того самого, который был незаконнорожденным сыном Эдварда Сен-Джона де Шноббса, графа Анкского, и, ах-ха, горничной неизвестного происхождения?

– Святые угодники!

– Граф умер, не оставив наследников, кроме того, ах-ха, того самого Сляпа. Нам так и не удалось пролить свет на местонахождение его потомка – по крайней мере, до сей поры.

– Святые угодники!..

– Вам знаком этот господин?

Ваймс изумленно замер, впервые в жизни столкнувшись с тем, как Шноббса кто-то всерьез называет «господином».

– Э-э-э... да, – ответил он.

– Он человек при деньгах?

– Разве что при чужих.

– Ну что ж, ах-ха, передайте ему новость. О землях и состоянии, конечно же, речи давно не идет, но титул до сих пор действует.

– Так, простите... хочу убедиться, что я верно все понял. Капрал Шноббс, мой Шнобби... на самом деле герцог Анкский?

– Ему нужно будет предоставить нам подтверждение своей родословной, но да, судя по всему, так и есть.

Ваймс устался в темноту. Капралу Шноббсу было бы затруднительно подтвердить кому-то даже свою принадлежность к человеческому роду.

– Святые угодники! – повторил он наконец. – И что же, у него будет герб?

– Будет, и прелестный.

– Ох.

Ваймс даже не хотел себе герб. Час назад он бы с радостью отвертелся от этой встречи, как проделывал уже не раз. Но...

– Шнобби? – переспросил он. – Святые угодники!

– Что ж, это была чрезвычайно приятная встреча! – сказал Дракон. – Очень важно время от времени освежать свои записи. Ах-ха. К слову, как поживает юный капитан Моркоу? Я слышал, его дама сердца – вервольф. Ах-ха.

– Так и есть, – подтвердил Ваймс.

– Ах-ха. – Дракон сделал в полумраке какой-то жест – кажется, заговорщически постучал по носу. – Знаем, знаем мы эти шалости!

– У капитана Моркоу все в порядке, – сказал Ваймс так холодно, как только мог. – У капитана Моркоу всегда все в порядке.

Он вышел, хлопнув дверью. Огоньки свечей затрепетали.

Констебль Ангва вышла из переулочка, застегивая ремень.

– По-моему, все прошло отлично, – сказал Моркоу. – Еще один шаг к общественному признанию!

– Тьфу, ну и мерзкий у него рукав! Интересно, он вообще знает, что такое прачечная? – сказала Ангва, вытирая рот.

Они автоматически перешли на энергосберегающий шаг, свойственный служителям правопорядка, – при такой ходьбе нога, словно маятник, сама тянет человека вперед, требуя от него минимальных усилий. Ваймс всегда говорил, что ходить по городу важно, а раз Ваймс говорил, то Моркоу верил. Ходить и разговаривать. Обойди достаточно улиц, разговоры достаточно людей – и рано или поздно получишь ответ.

Общественное признание, подумала Ангва. Фирменная фраза Моркоу. То есть на самом деле это была фирменная фраза Ваймса, но сэр Сэмюэль обычно сопровождал ее смачным плевком. А Моркоу в это верил. Это Моркоу предложил патрицию отрядить закоренелых преступников «служить на благо общества» – ремонтировать дома старушек, что привело к новым тревоблениям в жизни престарелых горожан и, учитывая уровень преступности в Анк-Морпорке, к тому, что как минимум одной пожилой даме столько раз за полгода клеили обои в гостиной, что теперь она могла входить туда только боком⁶.

– Я нашел кое-что очень интересное. Уверен, тебе будет ужасно интересно взглянуть! – сказал Моркоу какое-то время спустя.

– Как интересно! – откликнулась Ангва.

– Но я тебе не скажу, что это, потому что это сюрприз, – продолжил Моркоу.

– Вот как. Хорошо.

Ангва какое-то время шагала в задумчивости и потом спросила:

– А это сюрприз вроде той коллекции камней, которую ты мне показывал на прошлой неделе?

– Скажи, было здорово? – восторженно отозвался Моркоу. – Я столько раз ходил по той улице и даже не подозревал, что там есть музей минералов! Ты только вспомни, какие там силикаты!

– Просто невероятные! Удивительно, почему люди не сбегаются толпами на них посмотреть, правда?

– Ума не приложу почему!

Ангва напомнила себе, что в голове у Моркоу не было и намека на примесь иронии. В конце концов, не его вина, что он вырос в шахте среди гномов и взаправду считал, что куски камней – это интересно. Неделю назад они ходили в литейный цех. Тоже интересное место.

И все же... все же... его невозможно было не любить. Моркоу нравился даже тем, кого он арестовывал. Даже старушкам, которые по его милости постоянно дышали краской. Он нравился Ангве. Очень нравился. И потому от мысли, что от него придется уйти, было еще больнее.

Она была вервольфом. Вот и весь сказ. Если ты вервольф, у тебя не так уж много вариантов: либо стараться, чтобы люди не раскрыли твой секрет, либо наблюдать, как они держатся поодаль и шепчутся у тебя за спиной (хотя, конечно, чтобы это увидеть, надо обернуться).

Моркоу было все равно. Но ему было не все равно, что другим не все равно. Ему было не все равно, что даже вполне приветливые коллеги стараются на всякий случай носить с собой что-нибудь серебряное. Ангва видела, что это его удручает. Напряжение нарастало, а Моркоу не знал, как с ним справиться. Отец не зря говорил: связываться с людьми не ради обеда себе дороже – проще сразу прыгнуть в серебряные копи.

– Похоже, в следующем году на праздник будет много фейерверков, – сказал Моркоу. – Люблю фейерверки.

– Я никак не возьму в толк, почему в Анк-Морпорке хотят отпраздновать триста лет с окончания гражданской войны? – заметила Ангва, возвращаясь в здесь-и-сейчас.

– Почему бы и нет? Мы же победили, – сказал Моркоу.

⁶ Командор Ваймс, с другой стороны, ратовал за то, чтобы преступников приговаривали к высшей мере наказания. То есть находили крышу повыше и привязывали их к громоотводу.

– Да, но в то же время проиграли.

– Нужно во всем видеть светлую сторону – так я считаю. Ага, вот мы и пришли!

Ангва посмотрела на вывеску. Она уже научилась разбирать гномьи руны.

– «Музей гномьего хлеба», – прочитала она. – Вот это да! Не терпится попасть внутрь.

Моркоу радостно кивнул и толкнул дверь. Их обдало запахом застарелых хлебных корок.

– Эге-гей, господин Хопкинсон! – позвал Моркоу. Ответа не было. – Наверное, он куда-то отошел.

– Видимо, не выдержал восторга, – сказала Ангва. – Хопкинсон? Это вроде не гномье имя.

– Он человек, – сказал Моркоу и переступил порог. – Но выдающийся специалист. Хлеб – это его жизнь. Он написал самую полную работу по наступательной выпечке. Что ж... раз его нет на месте, я просто возьму два билета и оставлю монетку на кассе.

Было не похоже, что к господину Хопкинсону часто захаживают посетители. На полу лежала пыль, на витринах лежала пыль, а самый толстый слой пыли лежал на экспонатах. Большинство из них были традиционной формы и напоминали коровью лепешку, что отлично гармонировало с их вкусом. Но были также представлены пончики, булочки для ближнего боя, смертоносные метательные тосты и обширная запыленная коллекция других изделий, созданных народом, который не щадил ничего живого.

– И каков гвоздь программы? – спросила Ангва. Она принялась. В воздухе висел омерзительно знакомый резкий запах.

– Это... Ты готова? Это... Боевой Батон Б'хриана Кровавого Топора! – сказал Моркоу. Он что-то искал в ящике у входа.

– Батон хлеба? Ты привел меня сюда, чтобы показать батон хлеба?

Она снова принялась. Точно. Кровь. Свежая кровь.

– Все верно, – сказал Моркоу. – Его привезли всего на пару недель, на выставку. Этим самым хлебом Кровавый Топор в битве при Кумской долине самолично сразил пятьдесят семь троллей... – и тут голос Моркоу, преисполненный восторга, преисполнился гражданской ответственности, – хотя, конечно, это было очень давно, а сейчас на дворе век Летучей Мыши, мы живем в полиэтническом обществе и не должны позволять событиям минувших дней застять нам глаза.

Скрипнула дверь.

Потом Ангва глухо спросила:

– Этот боевой батон – он черный, да? Намного больше обычного батона?

– Да, верно, – сказал Моркоу.

– А господин Хопкинсон – невысокий, с острой белой бородкой?

– Да, это он.

– И с пробитой головой?

– Что?

– Лучше сам посмотри, – сказала Ангва и отошла.

Дракон, Король Гербов, сидел в одиночестве среди свечей.

«Так вот он какой, командор Сэмюэль Ваймс, – думал он. – Глупец. Не видит дальше собственного сморщенного носа. И подобные люди сейчас занимают высокие посты! Впрочем, от таких людей бывает польза – предполагаю, потому Витинари его и возвысил. Глупцы зачастую способны на вещи, о которых те, кто поумнее, и помыслить не отважатся...»

Он вздохнул и пододвинул к себе очередную книгу. Та не сильно превосходила размером остальные тома в кабинете – и это стало бы неожиданностью для любого, знакомого с ее содержанием.

Он немало гордился этой книгой. Это был весьма необычный труд, но Дракон удивился – вернее, удивился бы, если бы удивлялся хоть чему-нибудь в последние лет эдак сто, – тому, насколько легко он ему дался. Сейчас даже не было нужды его читать. Он знал эту книгу наизусть. Семейные древа были высажены в подходящую почву, слова улеглись на страницах, и оставалось только вторить их голосам.

Первая страница была озаглавлена: «Наследник престола Моркоу I, милостью божьей король Анк-Морпорка». Следующую дюжину страниц занимало длинное и сложное генеалогическое древо, которое оканчивалось надписью: «Женат...» Здесь слова были едва намечены карандашом.

– ...«на Дельфине Ангве фон Убервальд, – вслух прочитал Дракон. – Отец – и, ах-ха, сэр – барон Гай фон Убервальд, также известный как Серебровост; мать – мадам Серафина Сокс-Блунбергская, также известная как Желтоклык, родом из Орлеи...»

Эта часть составляла предмет его особой гордости. Он ожидал, что у его агентов возникнут затруднения, когда дело дойдет до волчьей родословной Ангвы, но оказалось, что горные волки тоже проявляли к подобным материям немалый интерес. Предки Ангвы определенно числились среди вожаков стаи.

Дракон, Король Гербов, усмехнулся. Он был убежден, что видовая принадлежность – дело второстепенное. Главное – хорошая порода.

Ну что ж. Так выглядело несбывшееся будущее.

Он отодвинул книгу. Одно из преимуществ по-настоящему долгой жизни – возможность убедиться, какое оно на самом деле хрупкое, это будущее. Люди говорят: «Мир для нашего времени», или: «Империя, которая простоит тысячу лет», но проходит полпоколения, и никто уже не помнит, кто они были такие, не говоря уже о том, что они говорили или где разъяренная толпа зарыла их останки. Историю меняют менее масштабные вещи. Порой достаточно нескольких росчерков пера.

Он притянул к себе другую книгу. На титульном листе значилось: «Наследник престола...» Как же назовется этот тип? Это, в отличие от много другого, просчитать было невозможно. Что ж, пускай...

Дракон взял карандаш и написал: «Шноббс».

Он улыбнулся пламени свечей.

Люди никогда не прекращали судачить об истинном короле Анк-Морпорка. Но жестокий урок, преподнесенный историей и записанный кровью, гласил, что истинный король – тот, кого короновали.

Книг была полна и другая комната. Входящий в нее сразу ощущал тяжелый, гнетущий дух книжности.

Покойный отец Трубочек распростерся на ковре из осыпавшихся книг. Он определенно был мертв. Невозможно потерять столько крови и остаться в живых. Или продержаться столько времени с головой, похожей на сдутый мяч. По ней как будто ударили кувалдой.

– Из дома с криками выбежала старушка, – сказал констебль Посети и отсалютовал. – Так что я зашел и увидел ровно такую картину.

– Ровно такую, констебль Посети?

– Да, сэр. И меня зовут Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр.

– Что это была за старушка?

– Говорит, ее зовут миссис Канаки, сэр. Говорит, что всегда приносит ему еду, сэр. Говорит, что заботится о нем.

– Заботится?

– Ну знаете, убирает комнаты и так далее.

На полу действительно лежал поднос – рядом с разбитой миской и пролитой кашей. Старушку, что заботилась о покойном, наверняка потрясло, что кто-то успел о нем позаботиться раньше ее.

– Она к нему прикасалась? – спросил Ваймс.

– Говорит, что нет, сэр.

Значит, пожилой священник ухитрился умереть самой благообразной смертью, которую Ваймс когда-либо видел. Его руки были скрещены на груди. Его глаза были закрыты.

А изо рта у него что-то торчало. Что-то вроде свернутой бумажки. Она придавала труп неуместно залихватский вид, как будто после смерти он решил выкурить последнюю сигарету.

Ваймс осторожно вынул из губ у покойного крошечный свиток и развернул. Бумажку покрывали тщательно выписанные, но неизвестные символы. Особенно примечательными их делало то, что автор записки явно воспользовался единственными чернилами, которых в комнате было в избытке.

– Фу ты, – сказал Ваймс. – Написано кровью. Кому-то эти письма о чем-нибудь говорят?

– Да, сэр!

Ваймс закатил глаза.

– Да, констебль Посети?

– Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр, – обиженно поправил констебль.

– Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой⁷. Я как раз собирался договорить, – повторил Ваймс. – Ну так что?

– Это древний клатчский шрифт, сэр, – сказал констебль Посети. – Его использовали Кенотины – одно из пустынных племен. У них была развитая, но глубоко ошибочная...

– Да, да, – прервал Ваймс, который уже видел, как на горизонте набухает грозная туча душеспасительной проповеди. – Но ты понимаешь, что тут написано?

– Я мог бы выяснить, сэр.

– Хорошо.

– Кстати говоря, удалось ли вам улучшить минутку и посмотреть брошюры, которые я принес вам на днях, сэр?

– Я был очень занят! – рефлексивно ответил Ваймс.

– Не волнуйтесь, сэр, – сказал Посети и улыбнулся изможденной улыбкой человека, что пытается творить добро вопреки всему. – Посмотрите, когда у вас появится время.

Старинные книги, свалившиеся с полок, все усыпали своими страницами. Многие забрызгало кровью.

– Кажется, тут хватает религиозных сочинений, – сказал Ваймс. – Может, что и отыщется. – Он повернулся. – Детрит, осмотришь тут, ладно?

Детрит, который старательно обводил труп мелом, прервался.

– Есть, сэр. Что ищем, сэр?

– Что найдется.

– Понял, сэр.

Ваймс, крикнув, опустился на корточки и потрогал пол, покрытый серыми пятнами.

– Грязь, – сказал он.

– Ета, она бывает на полу, – с готовностью подсказал Детрит.

⁷ Констебль Посети происходил из Омнии. Жители этой страны издревле считали, что самый эффективный способ обращать народы в свою религию – подвергать неверных огню и мечу. Со временем Омния стала куда более цивилизованным государством, но омнийцы несли свет истины все так же рьяно и неумолимо – изменились только способы. Констебль Посети проводил свободное время в компании своего собрата по вере, Срази-Сомневающих-Убедительными-Доводами: вместе они ходили от двери к двери и заставляли жителей прятаться за мебелью.

- Вот только она светлая, а земля у нас в городе темная.
- Ага, – подметил сержант Детрит. – Улика!
- Или просто грязь.

Его внимание привлекло еще кое-что. Кто-то пытался сложить книги. В комнате возвышалась аккуратная стопка шириной в один том; в ней было несколько десятков фолиантов, самые крупные – внизу, все уголки выровнены как по линейке.

– Что-то не сходится, – сказал Ваймс. – Вспыхивает драка. Старика жестоко ранят. Потом кто-то – то ли он сам из последних сил, то ли убийца – пишет что-то на клочке бумаги кровью этого несчастного. Аккуратно сворачивает бумажку и сует ему в рот, словно конфету. Потом старик умирает, кто-то закрывает ему глаза, складывает руки, собирает книги в стопку... и что? Нырять обратно в кипящий котел, который мы называем Анк-Морпорком?

Сержант Детрит нахмурил свой честный лоб в попытке поразмыслить.

– Может быть... может быть, за окном есть следы. Всегда надо искать енти, улики!

Ваймс вздохнул. Детрит был хорошим стражником и чертовски хорошим сержантом, даром что его коэффициент интеллекта соответствовал комнатной температуре. Он был из тех глупцов, которых трудно обдурить. Но вбить ему в голову какую-то идею было очень сложно, а еще сложнее – убедить выкинуть ее из головы⁸.

– Детрит, – сказал Ваймс так мягко, как только мог, – в тридцати пяти футах под окном – река. На ней не осталось бы никаких... – Он прервался. В конце концов, речь шла о реке Анк. – Даже если бы там остались следы, они бы давно затянулись, – поправился он. – Почти наверняка.

Он все-таки выглянул наружу – на всякий случай. Внизу булькала и урчала река. Даже на ее знаменитой твердой поверхности не было видно никаких следов. Но на подоконнике обнаружилось еще одно пятно.

Ваймс поскреб его и понюхал щепотку грязи.

– Похоже на белую глину, – сказал он.

Он не мог припомнить рядом с городом залежей белой глины. Сразу за стенами простирался чернозем – до самых овцепикских гор. Человек, вздумавший пешком перейти это поле, за время пути вырос бы на два дюйма.

– Белая глина, – повторил он. – Откуда тут могла взяться белая глина?

– Загадка, – сказал Детрит.

Ваймс невесело усмехнулся. И вправду загадка. А он не любил загадки. Если их вовремя не разрешить, они разрастались и производили на свет новые загадки. Заурядные убийства происходили изо дня в день, и, как правило, раскрыть их было под силу даже Детриту. Когда обезумевшая женщина стояла над павшим мужем с кочергой в руках и кричала: «А нечего было так говорить про нашего Невилла!», существовало не так уж много способов затянуть расследование до следующего перекура. А когда люди или всевозможные части их тел субботним вечером свисали с разнообразных выступов в «Залатанном барабане», а уцелевшие посетители сидели с невинным видом, не требовалась даже проницательность Детрита, чтобы во всем разобраться.

Просто удивительно, как в этом человеке с ручками-веточками и ножками-палочками помещалось столько крови. Он явно не мог бы дать нападающему отпор.

Ваймс склонился и осторожно приподнял труп веко. Мутный голубой глаз с темной сердцевинкой уставился на него из тех неведомых измерений, где сейчас находился старый священник.

⁸ Особенно Детрит преуспел в допросах подозреваемых. У него в арсенале было три типа вопросов: прямой («Ты это сделал?»), настойчивый («Уверен, что не ты?») и с подвохом («Это ведь ты сделал, правда?»). Хотя это были не самые изощренные вопросы на свете, талант Детрита заключался в том, что он мог терпеливо задавать их часами, пока не получал нужный ответ, который обычно звучал примерно так: «Да! Да! Я это сделал! Я! А теперь объясни, пожалуйста, что именно я сделал!»

Пожилой религиозный человек, который жил в паре захламленных комнатушек и, судя по запаху, никуда особо не выходил. Для кого он мог представлять угрозу?..

Констебль Посети просунулся в дверь.

– Там гном без бровей и с завитой бородой. Говорит, что вы его ждете, сэр, – сказал он. – И несколько горожан, которые говорят, что отец Трубчек их священник и они хотят его достойно похоронить.

– А, это Задранец. Пусть заходит, – сказал Ваймс и выпрямился. – Остальным скажи, чтобы подождали.

Задранец взобрался по лестнице, окинул взглядом комнату и сумел добежать до окна, прежде чем его стошнило.

– Полегчало? – спросил Ваймс через какое-то время.

– Э-э-э... да. Надеюсь.

– Ну тогда за дело.

– А... а что именно мне нужно сделать? – спросил Задранец. Но Ваймс был уже на пути вниз.

Ангва зарычала. Это был знак – того, что Моркоу снова можно открыть глаза.

У женщин, как сказал ему когда-то Колон, решив, что парнишка нуждается в совете, бывают разные причуды. Кто-то не хочет, чтобы их видели без макияжа, кто-то упорно покупает крошечные сумочки, а потом пытается запихнуть в них весь свой гардероб. У Ангвы тоже был свой заскок: она не любила, когда на нее смотрят во время перевоплощения. Такой уж у меня пунктик, говорила она. Моркоу мог смотреть на нее в любом из двух обликов, но только не в тех, которые она принимала в промежутке, – иначе этот взгляд рисковал стать последним.

Мир волчьими глазами выглядел иначе.

Прежде всего, он был черно-белым. По крайней мере, та несущественная часть восприятия, которую в человеческой форме она называла зрением, становилась монохромной, – но кому какое дело до зрения, притулившегося на заднем сиденье, когда обоняние перехватывает руль, и смеется, и высовывает руку в окно, и показывает всем остальным чувствам неприличные жесты? Задним числом она всегда вспоминала запахи как краски и звуки. Кровь была темно-коричневой и гудела низким басом, черствый хлеб казался ярко-голубым и неожиданно звонким, а каждый человек представлял собой калейдоскопическую симфонию, существующую в четырех измерениях. Потому что нос видит не только в пространстве, но и во времени: человек постоял минуту на одном месте и ушел – но учуять его можно и спустя час.

Она рыскала по коридорам Музея гномьего хлеба, опустив морду и принохиваясь. Потом ненадолго вышла в переулок и искала следы там.

Через пять минут она вернулась к Моркоу и снова подала ему знак.

Когда он открыл глаза, Ангва через голову натягивала рубашку. В чем в чем, а в этом люди давали волкам фору. Лапами такой трюк было не провернуть.

– Я думал, ты отправилась по следу, – сказал он.

– По чьему? – спросила Ангва.

– В смысле?

– Я чую его запах, и твой, и хлеба, и на этом все.

– Больше ничего?

– Грязь. Пыль. Ничего необычного. Есть старые следы, оставленные несколько дней назад. Я знаю, например, что ты заходил сюда на прошлой неделе. Запахов-то хватает. Сало, мясо, сосновая смола – непонятно откуда, лежалая еда... Но, клянусь, за последние пару дней тут не было ни одной живой души, кроме него и нас с тобой.

– Но ты говорила, что все оставляют след.

– Оставляют.

Моркоу посмотрел на покойного зрителя музея. Это не тянуло на самоубийство, даже если очень широко трактовать рамки суицида. Нельзя убить себя батоном хлеба.

– А вампиры? – спросил Моркоу. – Они умеют летать...

Ангва вздохнула.

– Моркоу, я бы учуяла вампира, даже если бы он залетал сюда месяц назад.

– В ящике лежит почти полдоллара мелочью, – сказал Моркоу. – Так или иначе, если бы сюда забрался вор, он бы пришел за Боевым батоном, верно? Это очень ценный культурный объект.

– Родственники у этого бедолаги были? – спросила Ангва.

– Кажется, старшая сестра. Я захожу сюда раз в месяц, просто поболтать. Он даже дает мне потрогать экспонаты.

– Вот это шик, – не сдержалась Ангва.

– Это... очень приятно, да, – серьезно сказал Моркоу. – Напоминает мне о доме.

Ангва вздохнула и направилась в заднюю комнату. Такие комнаты есть в каждом музее – в них копится всякий хлам, экспонаты, которым не нашлось места на полках, и предметы сомнительного происхождения, вроде монет, на которых отчеканено «52-й год до нашей эры». Ангва увидела верстаки с обломками гномьего хлеба, полку для инструментов с месильными молотами разных размеров и кипы всевозможных бумаг. Немалую часть комнаты занимала печь.

– Он исследовал старинные рецепты, – сказал Моркоу, который, кажется, полагал своим долгом отстаивать честь зрителя даже после его смерти.

Ангва открыла печную заслонку. Комнату залило теплом.

– Ничего себе печечка, – заметила она. – А это что?

– Так... Похоже, он пек оладьи, – ответил Моркоу. – Довольно убойные вблизи.

Она закрыла печь.

– Давай вернемся в штаб-квартиру, чтобы кого-нибудь отправили...

Ангва осеклась.

Превращаться незадолго до полнолуния было рискованной затеей. В волчьей форме это не слишком давало о себе знать. Она сохраняла разум – или, по крайней мере, ей казалось, что она сохраняет разум, хотя волчья жизнь была намного проще человеческой, так что, возможно, она просто становилась исключительно разумным волком. Трудности начинались, когда она превращалась обратно в человека. В течение нескольких минут, пока изменения окончательно не устаканивались, все ее чувства были обострены; запахи по-прежнему били в нос с огромной силой, и она слышала звуки, выходящие далеко за пределы убогого человеческого диапазона. А еще могла это *обдумать*. Волк мог понюхать фонарный столб и понять, что вчера тут проходил старый Бонзо, и ему слегка нездоровилось, и хозяин по-прежнему кормит его требухой, но только человек мог взвесить в голове причины и следствия.

– Есть еще какой-то запах, – сказала она и втянула носом воздух. – Едва заметный. Живое существо так не пахнет. Но... ты сам не чувствуешь? Вроде земли, но не совсем. Он такой... желтовато-оранжевый...

– Эм... – тактично протянул Моркоу. – Не у всех такой нос, как у тебя.

– Я его уже чувствовала где-то в городе. Но не помню где... Он резкий. Резче прочих запахов. Похоже на грязь.

– Ну слушай, на этих-то улицах...

– Нет, нет... не совсем грязь. Он тоньше, острее. Более пронзительный.

– Знаешь, иногда я тебе завидую. Наверное, здорово быть волком. Хотя бы иногда.

– У этого есть свои минусы.

«Например, блохи, – подумала она, запирая дверь в музей. – И еда. И постоянное неудобное чувство, что тебе надо нацепить сразу три бюстгалтера».

Она твердила себе, что держит все под контролем, и в каком-то смысле так оно и было. Да, когда она лунными ночами рыскала по городу, иногда ей попадался на зуб какой-нибудь цыпленок, но она всегда запоминала свой маршрут и на следующий день возвращалась, чтобы сунуть под дверь немного денег.

Трудно быть вегетарианкой, когда по утрам приходится выковыривать из зубов кусочки мяса. Но Ангва отлично справлялась.

По крайней мере, так она себе говорила.

По ночному городу рыскала именно она, а не волк. Она почти в этом не сомневалась. Волк уж точно не ограничился бы цыплятами.

Ее передернуло.

Кого она обманывала? В свете дня было легко любить овощи. Не преисполняться по ночам человеколюбием – вот что требовало усилий.

Первые городские часы уже били одиннадцать, когда паланкин командора Ваймса, качнувшись, остановился возле дворца патриция. У Ваймса уже подгибались ноги, но он единым духом проскочил пять лестничных пролетов и рухнул на кресло в приемной.

Минута шла за минутой.

Патрицию не стучали в дверь. Он сам вызывал посетителей, не сомневаясь, что они на месте.

Ваймс откинулся в кресле, наслаждаясь моментом покоя.

Из кармана у него раздалось:

– Динь-дон, динь-динь-дон!

Он вздохнул, достал обитую кожей шкатулку размером с небольшую книжку и открыл. На него уставилось приветливая, но слегка обеспокоенная мордашка.

– Да? – сказал Ваймс.

– Одиннадцать утра. Встреча с патрицием.

– Да. И что? Уже пять минут двенадцатого.

– Ой. То есть вы уже встретились, да? – спросил бес.

– Нет.

– Тогда я через несколько минут снова напомню или не надо?

– Не надо. И вообще, ты мне не напомнил про встречу с геральдистами в десять.

Беса охватила паника.

– Но это во вторник, разве нет? Я был уверен, что во вторник!

– Это было час назад.

– Ох. – Бес понурился. – Хм. Ладно. Извините. М-да. Зато я могу вам сообщить, сколько сейчас времени в Клатче, если хотите! Или в Орлее. Или в Гункунге. В любом из этих мест. Только скажите!

– Мне ни к чему знать, сколько сейчас времени в Клатче.

– А вдруг! – не сдавался бес. – Только подумайте, вот вы с кем-то беседуете, разговор не клеится, и тут вы говорите: «Кстати, в Клатче сейчас на час меньше». Или в Бес Пеларгике. Или в Эфебе. Спросите меня, давайте. Я отвечу. Мне не сложно.

Ваймс вздохнул про себя. У него был блокнот для записей. И это было очень удобно. А потом Сибилла, его благословенная женушка, подарила ему этого беса-органайзера с пятнадцатью функциями – хотя, насколько Ваймс успел убедиться, как минимум десять из них сводились к тому, что бес извинялся за сбой в работе остальных пяти.

– Сделай лучше заметку, – сказал Ваймс.

– Ух ты! Серьезно? Ничего себе! Хорошо. Конечно. Без проблем.

Ваймс прокашлялся.

– Поговорить с капралом Шноббсом. Тема: рабочий график. Другая тема: графский титул.

– Э-э-э... прошу прощения, это была заметка?

– Да.

– Извините, но сначала надо сказать «заметка». Я точно помню, что это указано в инструкции.

– Ну хорошо, это была заметка.

– Простите, но теперь ее нужно повторить.

– Заметка: поговорить с капралом Шноббсом. Тема: рабочий график. Другая тема: графский титул.

– Готово, – сказал бес. – Во сколько вам об этом напомнить?

– По местному времени? – ядовито спросил Ваймс. – Или по клатчскому?

– Кстати, я могу вам сообщить, сколько сейчас времени...

– Я лучше сделаю заметку в блокноте, если ты не против, – сказал Ваймс.

– О, конечно, если вам так удобнее. Я умею распознавать почерк, – гордо произнес бес. – Я довольно продвинутый.

Ваймс достал блокнот и раскрыл его перед бесом.

– Что, и мой почерк распознаешь?

Бес прищурился.

– Ага, – ответил он. – Это определенно почерк. Черточки и завитушки, соединенные вместе. Точно. Почерк. Я его везде узнаю.

– Я думал, ты мне сообщишь, о чем тут сказано.

Бес недоверчиво на него покосился.

– Сказано? Он что, умеет разговаривать?

Ваймс спрятал потрепанную записную книжку и захлопнул крышку органайзера. Потом откинулся на спинку кресла и продолжил ждать.

Тот, кто смастерил часы для приемной патриция, был очень умен – явно куда умнее, чем тот, кто обучал беса. Они говорили «тик-так», как любые другие часы. Но промежутки между тиканьем, вопреки всем часовым законам, были неравными. Тик-так, тик... крошечная, почти незаметная пауза... так, тик-так, тик... и снова так, на долю секунды раньше, чем ожидало подсознание. В результате спустя десять минут даже у самых стойких все мысли расползались в кашу. Патриций наверняка очень щедро заплатил часовщику.

Стрелки показали четверть двенадцатого.

Ваймс подошел к двери и, вопреки всем неписаным правилам, осторожно постучал.

Изнутри не донеслось ни звука, ни единого шепота.

Он взялся за ручку. Дверь была не заперта.

Лорд Витинари всегда говорил, что точность – вежливость королей.

Ваймс вошел.

Шельма прилежно соскреб с пола крошащуюся белую грязь, а затем приступил к осмотру тела. Анатомии в Гильдии Алхимиков уделяли большое внимание, следуя древней теории, согласно которой человеческое тело – Вселенная в миниатюре, хотя при виде вскрытого трупа было сложно представить, какая часть Вселенной была маленькой, красной и хлопала при нажатии. Так или иначе, в процессе обучения студенты сталкивались с практической анатомией, а иногда даже соскребали ее со стен. Когда начинающие алхимики проворачивали особо успешный эксперимент по исследованию взрывной силы, результатом обычно становился ремонт в лаборатории, совмещенный с увлекательной игрой «найди вторую почку».

Старика убили несколькими ударами по голове. Добавить к этому было особо нечего. Ему разmozжили череп каким-то очень тяжелым тупым предметом⁹.

Чего еще Ваймс ожидал от Шельмы?

Он осмотрел тело целиком. Других явных следов насилия не было, хотя... под ногтями у старика обнаружилась засохшая кровь. Но кровь, если уж на то пошло, тут была повсюду.

Пара ногтей были содраны. Трубочек пытался защититься – или, по крайней мере, заслониться руками.

Шельма внимательнее взглянул на пальцы. Под ногтями что-то застряло – что-то лоснящееся, как густой жир. Шельма понятия не имел, что это и откуда взялось, но, возможно, именно это ему и предстояло выяснить. Он добросовестно вынул из кармана конверт, поместил туда грязь из-под ногтей, запечатал и пронумеровал.

Потом он вынул из ящика иконограф и приготовился запечатлеть труп.

И тут он кое-что заметил.

Ваймс так и не закрыл отцу Трубочку глаз, и теперь тот лежал, подмигивая вечности.

Шельма наклонился поближе. Он был уверен, что ему показалось. Но...

Даже теперь он все еще не был уверен. Сознание порой выкидывает странные фокусы.

Он открыл дверцу иконографа и спросил у беса, сидящего внутри:

– Сидни, можешь зарисовать его глаз?

Бес выглянул в смотровое окошко.

– Только глаз? – пискнул он.

– Да. Как можно крупнее.

– Да вы умом тронулись, не иначе.

– И помалкивай, – добавил Шельма.

Он водрузил иконограф на стол и сел рядом. Из ящика донесся шорох кистей. Наконец завращалась ручка, и из щели выползла чуть влажная картинка.

Шельма посмотрел на нее. Потом постучал по ящику. Открылась дверца.

– Да?

– Надо крупнее. На весь лист. Вообще, знаешь, – Шельма, прищурившись, пригляделся к картинке, – нарисуй только зрачок. Самую серединку.

– На весь лист? А вы знаете толк в извращениях.

Шельма подвинул ящик поближе к трупу. Заскрипели шестеренки – это бес выдвигал линзы, – а потом снова деловито зашуршали кисти.

Через несколько секунд на свет вылезла новая картинка. На ней был изображен большой черный круг... вернее, почти черный.

Шельма присмотрелся. На картинке угадывался намек, всего лишь намек...

Он снова забарабанил по ящику.

– Какую дичь придумали на этот раз? – осведомился бес.

– Фрагмент по центру. Как можно крупнее.

Линзы еще сильнее выдвинулись вперед.

Шельма в нетерпении ждал. Было слышно, как в соседней комнате неспешно расхаживает Детрит.

Щель выплюнула третью бумажку, и в иконографе открылась дверца.

– Все, – сказал бес. – У меня кончилась черная краска.

Картина действительно была сплошь черная... за одним крошечным исключением.

⁹ Широко распространенный и живучий миф гласит, что люди, изобретающие орудия убийства, в конце концов от них и погибают. На деле же подтверждений этому почти нет. Полковника Шрапнеля не разорвало на части, месье Гильотин умер с головой на плечах, полковника Гатлинга не застрелили из пулемета. Если бы сэра Вильяма Тупоконечника, изобретателя дубинки и кастета, не убили в темном переулке, этот слух вообще бы не родился.

Дверь на лестницу распахнулась, и вошел констебль Посети – вернее, его внесла в комнату небольшая толпа. Шельма с виноватым видом сунул бумажку в карман.

– Это возмутительно! – сказал маленький человечек с длинной черной бородой. – Впустите нас немедленно! Кто вы такой, молодой человек?

– Шель... Капрал Задранец, – ответил Шельма. – Смотрите, вот мой значок...

– Капрал, значит? – сказал бородач. – Ну а я Венгел Рэдди, не последний человек в нашей округе, и я требую, чтобы вы сейчас же выдали нам бедного отца Трубочека!

– Мы, э-э-э, мы пытаемся понять, кто его убил... – начал Шельма.

Позади него послышалось движение, и все, кто стоял впереди, неожиданно переменились в лице. Шельма обернулся и увидел в дверях комнаты Детрита.

– Тута все в порядке? – спросил тролль.

Перемены в статусе Городской Стражи позволили Детриту заказать себе настоящие доспехи вместо куска слоновьей брони. Оружейник попытался выбить на его нагруднике стилизованную мускулатуру, обычную для доспехов сержанта. Детрит был уверен, что половину мускулов он пропустил.

– Что-то не так? – спросил он.

Толпа попятилась.

– Нет-нет, все в порядке, – сказал Рэдди. – Вы просто, э-э-э, так неожиданно нарисовались...

– Все верно, – подтвердил Детрит. – Рисовать я люблю. Кого хочешь разрисую. Так что тута у вас за шум?

– У нас все тихо, офицер.

– Вот те на, – задумчиво сказал Детрит. – Я всегда иду на шум, а когда прихожу, мне говорят, что все тихо.

Рэдди выпрямился, насколько позволял рост.

– Но мы хотим забрать отсюда отца Трубочека и похоронить, – сказал он.

Детрит повернулся к Шельме Задранцу:

– Ты все сделал, что надо?

– Думаю, да...

– Ентот умер?

– О да.

– Лучше ему уже не станет?

– После смерти-то? Сомневаюсь.

– Ну и забирайте его тогда.

Стражники отошли в сторону, и люди подняли тело и понесли вниз по лестнице.

– А зачем тебе рисовать ентого мертвеца? – спросил Детрит.

– Ну, э-э, на всякий случай. Что-то здесь нечисто.

– Конечно, нечисто, – сказал Детрит. – Вон как натоптано.

Задранец вытянул из кармана рисунок и еще раз на него посмотрел. Рисунок был почти черный.

Почти...

Внизу на лестнице замаячил констебль.

– Тут есть кто-то по имени, – последовал сдавленный смешок, – Шельма Задранец?

– Да, – мрачно ответил Шельма.

– Ну тогда живо дуй во дворец патриция. Приказ командора Ваймса.

– Он тебе не просто Задранец, а *капрал* Задранец! – поправил Детрит.

– Ничего, ничего, – пробормотал Задранец. – Хуже уже не будет.

Слухи – это информация, очищенная настолько тщательно, что она просочится куда угодно. Слухам не нужны окна и двери, и порой даже публика им ни к чему. Они свободно перелетают от уха к уху, не касаясь губ.

И сейчас они уже выпорхнули на свободу. Из высокого окна в спальне патриция Сэм Ваймс видел ручейки людей, стекающие ко дворцу. Это была еще не толпа и даже не орава, но броуновское движение улиц подталкивало все больше и больше народу в одном направлении.

Он слегка выдохнул, когда увидел, что в ворота зашла пара стражников.

Лежащий на кровати лорд Витинари открыл глаза.

– О, командор Ваймс, это ты, – пробормотал он.

– Что происходит, сэр? – спросил Ваймс.

– Насколько могу судить, я лежу в постели.

– Я нашел вас в кабинете, сэр. Без сознания.

– Ну надо же. Видимо, я... перетрудился. Что ж, спасибо, Ваймс. Не будешь ли ты так любезен... мне помочь...

Лорд Витинари попытался выпрямиться, качнулся и снова упал на подушку. Лицо у него было бледное. На лбу блестели бисеринки пота.

В дверь постучали. Ваймс слегка ее приоткрыл.

– Это я, сэр. Фред Колон. Получил ваше сообщение. Что стряслось?

– А, привет, Фред. Кто это с тобой?

– Констебль Кремень и констебль Шлеппер, сэр.

– Хорошо. Пусть кто-нибудь сходит ко мне домой и скажет Виликинсу, чтобы тот принес мои доспехи. А еще меч и арбалет. И сумку на случай ночных дежурств. И сигары пусть захватит. А леди Сибилле передайте... передайте... в общем, просто скажите ей, что у меня тут дела, только и всего.

– Что случилось, сэр? Кто-то внизу сказал, что лорд Витинари мертв!

– Мертв? – пробормотал патриций с кровати. – Какой вздор!

Он рывком выпрямился, спустил ноги с кровати – и упал. Падение было воистину жутким и медленным. Роста Витинари был изрядного, а потому и падать пришлось долго. И делал он это поэтапно. Сперва его подвели лодыжки, и он приземлился на колени. Колени глухо ударились о пол, и он согнулся пополам в талии. И только потом он стукнулся лбом о ковер.

– Ох, – сказал он.

– Его светлость просто слегка... – начал Ваймс, а потом схватил Колону и выволок из комнаты вслед за собой. – Я думаю, его отравили, Фред, вот что случилось.

– О боги! – ужаснулся Колон. – Мне сбегать за врачом?

– Ты в своем уме? Он нам нужен живым!

Ваймс закусил губу. Он произнес слова, которые вертелись у него на языке, и теперь, без сомнения, тонкая струйка слухов растечется по всему городу.

– Но кто-то же должен посмотреть, что с ним... – сказал он вслух.

– И то верно! – согласился Колон. – Мне сбегать за волшебником?

– А откуда нам знать, что это не волшебники его отравили?

– О боги!

Ваймс попробовал собраться с мыслями. Все городские врачи состояли на жалованьи у гильдий, а все гильдии ненавидели Витинари, так что...

– Когда соберется достаточно наших, отправь гонца в конюшни на Королевских низинах, пусть приведет Джимми Пончика, – сказал он.

Колона это вконец ошарашило.

– Пончика? Да он же ничего не смыслит в медицине! Он накачивает всякой дрянью коней на скачках!

– Просто пошли за ним, Фред.

– А если он не захочет идти?

– Тогда передайте ему, что командор Ваймс знает, почему Смеющийся Мальчик не победил в Щеботанском столондаровом забеге. И добавьте, что тролль Хризопраз проиграл на этих скачках десять тысяч.

На Колона это явно произвело впечатление.

– А вы коварны, сэр.

– Тут скоро отбою не будет от посетителей. Пускай возле этой комнаты дежурит двое стражников, желательно тролли или гномы, и никто в нее не входит без моего ведома, ясно?

Колон мучительно скривился: за место на его лице боролись сразу несколько эмоций. Наконец он выдавил:

– Но... отравлен? У него же есть личные дегустаторы и все такое!

– Тогда, возможно, это был один из них.

– Боже правый, сэр! Вы вообще никому не доверяете, да?

– Нет, Фред. Кстати, это случаем не ты сделал? Шучу, шучу, – быстро добавил Ваймс, увидев, что Колон сейчас расплачется. – Ступай. Времени у нас в обрез.

Ваймс закрыл дверь и постоял, прислонившись к ней. Потом повернул ключ в замке и подставил под дверную ручку стул.

Наконец он поднял патриция с пола и закатил на кровать. Тот что-то проворчал и дернул веками.

«Яд, – подумал Ваймс. – Нет ничего хуже яда. Отравитель может находиться за милю отсюда, яд не увидишь и не услышишь, зачастую у него нет ни запаха, ни вкуса, он может быть где угодно – и прямо сейчас он делает свое черное дело...»

Патриций открыл глаза.

– Я не отказался бы от стакана воды, – сказал он.

У изголовья постели стояли кувшин и стакан. Ваймс поднял кувшин и заколебался.

– Я пошлю кого-нибудь за водой, – сказал он.

Лорд Витинари моргнул – очень медленно.

– Ах, Ваймс, – сказал он. – Но кому ты можешь доверять?

Когда Ваймс наконец спустился в большой приемный зал, там уже толпились посетители. Они слонялись по залу, встревоженные и смятенные. А когда важные люди пребывают в тревоге и смятении, они становятся очень сердитыми.

Первым к Ваймсу подскочил господин Боггис из Гильдии Воров.

– Ваймс, что происходит? – напористо спросил он. Потом встретился с Ваймсом глазами, ослабил напор и поправился: – То есть сэр Сэмюэль.

– Думаю, что лорда Витинари отравили, – сказал Ваймс.

Шепот на заднем плане прекратился. И Боггис осознал, что, раз уж именно он задал этот вопрос, все внимание теперь было привлечено к нему.

– Э-э-э... насмерть? – проговорил он.

Повисла звенящая тишина.

– Пока нет, – сказал Ваймс.

В зале повернулись головы. Все взоры теперь были устремлены на доктора Низза, главу Гильдии Убийц.

Низз кивнул.

– Мне неизвестно ни о каких договоренностях, связанных с лордом Витинари, – сказал он. – К тому же, полагаю, все отлично осведомлены, что за жизнь патриция мы назначили цену в миллион долларов.

– Разве у кого-то есть столько денег? – спросил Ваймс.

– Ну... например, у вас, сэр Сэмюэль, – ответил Низз. Послышались нервные смешки.

– Так или иначе, мы хотим видеть патриция, – сказал Боггис.

– Нет.

– Нет? А почему, позвольте узнать?

– Так решил врач.

– Серьезно? Какой врач?

За спиной у Ваймса сержант Колон закрыл глаза.

– Доктор Джеймс Фолсом, – ответил Ваймс.

Прошло несколько секунд, прежде чем кто-то догадался.

– Что? Неужели вы про... Джимми Пончика? Он же коновал!

– Насколько мне известно, да.

– Но почему именно он?

– Потому что многие из его пациентов выживают, – сказал Ваймс и поднял руки, чтобы утихомирить ропот. – А теперь, господа, я вынужден вас покинуть. Прямо сейчас где-то прячется отравитель. Я хотел бы найти его, прежде чем он станет убийцей.

Он поднялся назад по лестнице, пытаясь не обращать внимания на крики за спиной.

– Вы уверены, что стоило звать Пончика, сэр? – спросил Колон, догоняя его.

– А что, ты ему не доверяешь? – спросил Ваймс.

– Пончику-то? Нет, конечно!

– Вот и правильно. Он не заслуживает доверия, и мы ему не доверяем. Так что все сходится. Но я видел, как он выходил лошадь, про которую все говорили, что ей место на живо-дерне. Коновалы работают на результат, Фред.

С этим трудно было спорить. Когда человеческий лекарь видит, что его пациент скончался, не выдержав бесконечных банок и кровопусканий, он всегда может сказать: «Что поделывать, на все воля божья, тридцать долларов, пожалуйста», – и спокойно уйти. Это потому что люди формально ничего не стоят. А вот хорошая скаковая лошадь может стоять двадцать тысяч долларов. Врач, который позволит ей раньше срока сбежать в великий небесный табун, может вскоре услышать в темном переулке нечто вроде: «Господин Хризопраз очень раздосадован», и краткий остаток его жизни будет полон неприятных сюрпризов.

– Никто не знает, где капитан Моркоу и Ангва, – сказал Колон. – У них выходной. И Шнобби тоже нигде не видно.

– Ну хоть что-то хорошее...

– Дзынь-дзынь, дон-дон, – произнес голос в кармане у Ваймса.

Он вынул органайзер и поднял крышку.

– Да?

– Э-э-э... полдень. Ланч с леди Сибиллой.

Бес взгляделся в их лица.

– Гм... я же ничего такого не сказал, правда? – спросил он.

Шельма Задранец вытер пот со лба.

– Командор Ваймс прав. Это может быть мышьяк, – сказал он. – Все признаки налицо. Сами посмотрите, какого он цвета.

– Та еще пакость, – заметил Джимми Пончик. – Он не жевал свою подстилку?

– Все простыни нетронуты, так что, думаю, ответ отрицательный.

– А как он мочится?

– Эм-м. Думаю, так же, как и всегда.

Пончик цыкнул зубом. Зубы у него были исключительные. Все, кто с ним знакомился, замечали их почти сразу. Они были цвета невымытого чайника.

– Поводите его по кругу с отпущенными поводьями, – сказал он.

Патриций открыл глаза.

– Вы, получается, врач? – спросил он.

Джимми Пончик с сомнением на него покосился. Он не привык к тому, чтобы его пациенты разговаривали.

– Ну, вообще-то да... Я многих на ноги поставил.

– Нет уж, спасибо, я сам встану, – сказал патриций. Он попытался подняться и снова откинулся на постель.

– Я ему смешаю микстуру, – сказал Джимми Пончик и отошел подальше. – Дважды в день берите его за нос и заливайте лекарство ему в глотку, ладно? И никакого овса.

Он поспешил за дверь, оставив Шельму наедине с патрицием.

Шельма Задранец обвел взглядом комнату. Ваймс не оставил ему особых инструкций. Он просто сказал: «Я уверен, что это не дегустаторы. Они же знают, что им могут приказывать съесть целую тарелку. Но я все равно отправил Детрита с ними потолковать. Найди ответ на вопрос „как“, договорились? А с вопросом „кто“ я сам разберусь».

Если яд попал внутрь не с пищей и не с водой, какие еще оставались варианты? Можно нанести яд на подушку, чтобы жертва его вдохнула, или накапать яду ей в ухо, пока она спит. Можно устроить так, чтобы жертва потрогала отравленную поверхность. Еще это мог быть незаметный укол... Или укус насекомого...

Патриций повернулся в постели и обратил взгляд своих красных слезящихся глаз на Шельму:

– Скажи-ка мне, ты стражник?

– Э-э-э... я только заступил на службу, сэр.

– Если не ошибаюсь, у тебя гномье происхождение.

Шельма не стал отвечать. Отрицать это не было смысла. Когда ты гном, это каким-то непостижимым образом можно определить с первого взгляда.

– Мышьяк – очень распространенный яд, – сказал патриций. – Его повсеместно используют в быту. Есть более модные яды – например, алмазная пыль: она столетиями была в чести, хотя и совершенно бесполезна. Та же история с гигантскими пауками. Ртуть – яд для терпеливых, азотная кислота – для тех, кому не хватает терпения. У шпанской мушки тоже есть свои поклонники. Вещества, выделяемые разными животными, вообще предоставляют много возможностей. Например, если раздобыть гусеницу квантовой погодной бабочки, можно сделать человека совершенно беспомощным. Но мы снова и снова возвращаемся к мышьяку как к старому другу.

Патриций говорил в полудреме, заплетающимся языком.

– Разве это не так, юный Витинари? Так и есть, сэр. Все верно. Но в таком случае куда нам его поместить – зная, что все будут его искать? Туда, куда посмотрят в последнюю очередь, сэр. Неверно. Это глупо. Надо поместить его туда, куда *вообще никто* не посмотрит...

Голос перетек в бормотание.

Можно нанести яд на простыни, подумал Шельма. Или даже на одежду. Чтобы он медленно впитался в кожу...

Шельма забарабанил в дверь. Стражник открыл.

– Принеси новую кровать.

– Что?

– Другую кровать. Откуда угодно. И свежее постельное белье.

Он посмотрел под ноги. Коврик на полу был совсем маленький. И все же в спальне, где зачастую ходят босиком...

– А еще заберите этот ковер и замените новым.

Что еще?..

Вошел Детрит, кивнул Шельме и внимательно оглядел комнату. Наконец он взял под мышку выдавший виды табурет.

– Ентот сойдет, – сказал он. – Если что, приделаю ему спинку.

– Что? – спросил Шельма.

– Тот врач, Пончик, сказал принести ему образец стула пациента, – ответил Детрит и вышел.

Шельма открыл было рот, чтобы окликнуть его, но потом пожал плечами. Чем меньше мебели, тем лучше...

Ну и все, пожалуй. Не отдирать же обои со стен.

Сэм Ваймс смотрел в окно.

Витинари не окружал себя телохранителями. У него, как и у многих, были дегустаторы – и на этом все. Конечно, Витинари и здесь ухитрился провернуть один из своих фирменных трюков: со всеми дегустаторами хорошо обращались, всем платили достойное жалованье, и все они были сыновьями шеф-повара. Но в первую очередь его защищало то, что всем без исключения он был полезнее живым, чем мертвым. Крупные влиятельные гильдии не любили Витинари, но предпочитали видеть в Продолговатом кабинете именно его, а не кого-нибудь из конкурентов. К тому же Витинари воплощал собой стабильность. Это была холодная и бездушная стабильность, но гений патриция, среди прочего, состоял в том, что он осознал: именно стабильности люди желают больше всего на свете.

Он как-то раз сказал Ваймсу, стоя в этой самой комнате у этого самого окна: «Они думают, что хотят равенства и справедливости, но чего они на самом деле жаждут, о чем мечтают в глубине души? Чтобы вещи шли своим чередом и завтра было таким же, как сегодня».

Ваймс отвернулся от окна.

– Что мне теперь делать, Фред?

– Не знаю, сэр.

Ваймс уселся в кресло Витинари.

– Ты помнишь предыдущих патрициев?

– Старого лорда Капканса? И того, что был перед ним, лорда Ветруна? Как не помнить. Те еще типы. Этот хотя бы не хихикал как умалишенный и в платье не наряжался.

«А вот уже и прошедшее время, – подумал Ваймс. – Еще свежее в памяти, но неумолимо уходящее».

– Что-то внизу стало очень тихо, – заметил он.

– Заговоры обычно плетутся в тишине, сэр.

– Фред, Витинари вообще-то жив.

– Да, сэр. Но не похоже, что он сейчас за главного.

Ваймс пожал плечами.

– Не похоже, чтобы сейчас хоть кто-то был за главного.

– Может быть, сэр. И вообще, никогда не знаешь, где тебе повезет.

Колон стоял навтыжку, глядя прямо перед собой, и говорил очень ровным, подчеркнуто безэмоциональным тоном. Ваймсу была знакома эта поза. Он сам при необходимости ее принимал.

– О чем это ты? – спросил он.

– Ни о чем, сэр. Просто фигура речи, сэр.

Ваймс откинулся в кресле.

«Еще утром я знал, что мне готовит день, – подумал он. – Мне нужно было сходить к этим чертовым геральдистам. Потом побывать на нашей обычной встрече с Витинари. После ланча я бы пролистал несколько рапортов, может, сходил бы посмотреть, как обстоят дела в новой штаб-квартире стражи на Тряпичной улице, и лег бы спать пораньше. А теперь Фред мне предлагает... что?»

– Слушай, Фред, если у Анк-Морпорка появится новый правитель, это буду не я.

– Кто же это будет, сэр? – спросил Фред, все так же тщательно подбирая интонации.

Перед Ваймсом разверзлась бездна, и он почувствовал, как туда с хлопанием утекают мысли.

– Ты же сейчас на Моркоу намекаешь, да?

– Может быть, сэр. Ведь ни одна гильдия не позволит, чтобы городом правил кто-то из другой гильдии, а капитана Моркоу все любят, и, ну... ходят слухи, что он подследник престола, сэр.

– Этому нет никаких подтверждений, сержант.

– Не мне судить, сэр. Я в этом ничего не смыслю. Не знаю, какие нужны подтверждения, – сказал Колон, и в голосе у него мелькнула тень неповиновения. – Но у него есть этот его меч, и родимое пятно в форме короны, и... ну, все и так знают, что он король. Это все его кризма.

«Харизма, – подумал Ваймс. – О да. У Моркоу действительно есть харизма. Он умеет влиять на людей. Он даже дикого леопарда уговорил бы сдаться, положить зубы на полку и заняться общественно полезной работой, и все старушки в округе были бы не рады».

Ваймс не доверял харизме.

– Хватит с нас королей, Фред.

– Ваша правда, сэр. Кстати, Шнобби объявился.

– Час от часу не легче.

– Вы вроде как хотели с ним поговорить про все эти похороны, сэр...

– Покушения покушениями, а служба по расписанию, да? Ладно, иди и скажи ему, чтобы поднимался.

Ваймс остался наедине с собой.

Хватит с нас королей. Ваймсу непросто было объяснить, почему он в этом уверен, почему сама идея королевской власти противна всему его существу. В конце концов, многие патриции были не менее паршивыми, чем короли. Но они были... равны всем остальным в своей паршивости, что ли. Что бесило Ваймса до зубовного скрежета, так это идея, что короли – какие-то особенные люди. Высшая форма жизни. В чем-то даже магическая. И следы этой магии сохранялись по сей день. Анк-Морпорк до сих пор пестрел названиями, оставшимися с королевских времен, был наводнен старичками, которые получали несколько пенсов в неделю за выполнение бессмысленных задач, – например, в городе были Держатель королевских ключей и Хранитель королевских сокровищ, хотя давно уже не осталось ни ключей, ни тем более сокровищ.

Короли все равно что одуванчики. Сколько голов ни срубишь, корни все равно остаются под землей и ждут своего часа.

Монархия сродни хронической болезни. Такое ощущение, что даже у самых разумных людей где-то в голове начертали на свободном клочке: «Короли – это прекрасно!» Кто бы ни создал человечество, он допустил важный конструкторский просчет. Речь о неизбывном людском желании преклонять колени.

В дверь постучали. Казалось бы, стучать исподтишка невозможно, но этот стук был именно таким. Его обертона сообщали подсознанию: если никто не откроет дверь, тот, кто сейчас стучал, все равно бочком в нее протиснется, после чего умыкнет все плохо (и хорошо) лежащие сигареты, прочитает все письма, что попадутся ему на глаза, выдвинет несколько ящиков, отопьет из бутылок, которые при этом обнаружатся, но на серьезное преступление не пойдет, потому что преступление – это акт сознательного выбора, а он действует по наитию, как мелкий хищник, и его преступные наклонности – часть его натуры. Словом, это был очень красноречивый стук.

– Заходи, Шнобби, – устало сказал Ваймс.

Капрал Шноббс протиснулся в комнату. Еще одним его свойством было умение протискиваться даже в настежь распахнутую дверь.

Он неловко отдал честь.

Над капралом Шноббсом не властны перемены, сказал себе Ваймс. Даже Фред Колон как-то приспособился к изменившемуся статусу Городской Стражи, но натура Шноббса оставалась неизблемой. Что с ним ни делай, в основе своей он оставался все тем же Шнобби.

– Шнобби...

– Да, сэр?

– Эм... Садись, Шнобби.

Капрал Шнобби посмотрел на него с подозрением. Выволочки обычно начинались по-другому.

– Фред, э-э-э, сказал, что вы хотели меня видеть, господин Ваймс, и поговорить о соблюдении графика...

– Я? Хотел? Ах да. Шнобби, сколько раз ты на самом деле ходил на бабушкины похороны?

– М-м-м... три, – неуверенно проговорил Шнобби.

– Три?

– Оказалось, что бабуля Шноббс в первый раз не до конца умерла.

– Так зачем ты так часто отпрашивался?

– Не хочу говорить, сэр...

– Почему?

– Вы начнете метать икру.

– Икру?

– Ну, лезть в бутылку.

– Может, и так, Шнобби. – Ваймс вздохнул. – Но если ты не ответишь, я не икру начну метать, а громы и молнии.

– Это все из-за юби... юпи... в общем, из-за той трехсотлетней годовщины, которую мы будем праздновать на будущий год, господин Ваймс.

– Так?

Шнобби облизал губы.

– Я не хотел специально ради этого отпрашиваться. Фред сказал, вы на такое сердчаете. Но... вы же знаете, сэр, я состою в обществе рулевиков...

Ваймс кивнул:

– Знаю, ага. Те самые клоуны, что наряжаются во всякие тряпки и разыгрывают старинные битвы на тупых мечях.

– Анк-Морпоркское общество исторической реконструкции, сэр, – поправил Шнобби с легким укором.

– Я так и сказал.

– В общем... в честь праздника мы собираемся реконструировать Битву за Анк-Морпорк. А значит, нужно много репетировать, вот.

– Так, кое-что начинает проясняться, – сказал Ваймс и устало кивнул. – Выходит, ты маршировал туда-сюда с жестяной пикой? В рабочее время?

– Эм-м... не совсем так, господин Ваймс... Я... По правде говоря, я ездил туда-сюда на белом коне.

– Да? Представлял себе генералом, что ли?

– Э-э-э... чуть больше, чем генералом, сэр...

– Ну-ка?

У Шнобби нервно дернулся кадык.

– Я... Я буду королем Лоренцо, сэр. Э... ну знаете... последним королем, тем, которого ваш... м-м-м...

Повисла мертвая тишина.

– Так, значит... ты будешь... – начал Ваймс, перекачивая слова на языке, как виноградники, налитые гневом.

– Я же говорил, вы полезете в бутылку, – сказал Шнобби. – Фред Колон тоже сказал, что полезете.

– Но почему ты...

– Мы тянули жребий, сэр.

– И ты проиграл?

Шнобби поежился.

– Э... не то чтобы проиграл, сэр. Не совсем. Скорее выиграл. Каждый хотел стать королем. Ну, чтобы получить коня, красивый костюм и так далее, сэр. Ну и, в конце концов, он все-таки был король, сэр.

– Он был кровожадным чудовищем!

– Ну, это давно было, сэр, – сказал Шнобби, поерзав на месте.

Ваймс слегка остыл.

– А кому выпало играть Камнелица Ваймса?

– Э... э...

– Шнобби!

Шнобби понурил голову.

– Никому, сэр. Никто не хотел его играть, сэр. – Маленький капрал сглотнул, а потом выпалил с решимостью человека, желающего выложить все как на духу и покончить с этим: – Так что мы сделали чучело из соломы, сэр, чтобы оно красиво горело, когда мы вечером бросим его в костер. Будет салют, сэр! – веско добавил он.

Ваймс сидел с непроницаемым видом. Шнобби предпочитал, когда на него кричали. Он всю жизнь слушал чужие окрики. С этим он худо-бедно научился справляться.

– Никто не захотел быть Стариной Камнелицей, – сухо сказал Ваймс.

– Потому что Камнелиц проиграл, сэр.

– Проиграл? Железноголовые Ваймса победили. Он полгода управлял городом.

Шнобби снова поежился.

– Да, но... все в нашем обществе говорят, что это случайность, сэр. Что ему просто повезло. В конце концов, у противника был перевес всего-то десять к одному. А еще у Камнелица были бородавки, и вообще он мерзкий тип, если уж на то пошло. Он отрубил королю голову, сэр. Хорошие люди так не поступают. При всем уважении, сэр.

Ваймс покачал головой. Какая, в сущности, разница? (Хотя разница была, и существенная.) Все это уже история. Неважно, что там себе возмнила кучка чокнутых романтиков. Факты есть факты.

– Ладно, я понял, – сказал он. – Знаешь, это даже забавно. Потому что мне кое-что еще надо тебе сказать.

– Да, сэр? – спросил Шнобби с явным облегчением.

– Ты помнишь своего отца?

Шнобби снова перепугался.

– С чего вдруг такие вопросы, сэр?

– Чистое любопытство.

– Старика Сконнера, сэр? Да не то чтобы. Я особо его и не видел, кроме того случая, когда пришла военная полиция и вытащила его с чердака.

– А что насчет твоей, м-м-м, генеалогии?

– Все это враки, сэр. Нет у меня никакой генеалогии, что бы вам ни наговорили.

– Ох. Ладно. Э... ты же не знаешь, что такое «генеалогия», да, Шнобби?

Шнобби поерзал на стуле. Он не любил, когда его допрашивали стражники, особенно учитывая, что он и сам был стражником.

– Я в словах не большой мастак, сэр.

– Тебе ничего не известно о твоих пращурах?

На лице Шнобби снова отразилось смятение, так что Ваймс быстро добавил:

– О твоих предках.

– Только о старике Сконнере. Сэр... если вы так подводите к тому, чтобы спросить о тех мешках с овощами, что пропали из лавки на улице Паточной Шахты, знайте, что я не...

Ваймс неопределенно махнул рукой.

– Он тебе... ничего на память не оставил?

– Парочку шрамов, сэр. И этот злосчастный локоть, что ноет на погоду. Всегда вспоминаю старика, когда ветер дует со стороны Пула.

– Ага, ладно...

– А, ну и это еще, конечно. – Шнобби сунул руку за проржавевший нагрудник. Вот тоже чудо из чудес. Даже доспехи сержанта Колона порой поблескивали, пусть и не сияли по-настоящему. Но любой металл, вступивший в контакт с кожей Шнобби, почти мгновенно покрывался ржавчиной. Капрал вытянул кожаный шнурок, который носил на шее, и Ваймс увидел золотое кольцо. Золото не ржавеет, но кольцо все же было покрыто патиной.

– Он мне его передал, когда лежал на смертном одре, – сказал Шнобби. – Ну то есть как передал...

– А он что-то сказал?

– Сказал, а как же: «А ну отдай, паршивец!» Он его носил на шнурке, сэр, прямо как я. Но от этого кольца мало проку. Я бы его кому-нибудь загнал, но это единственное, что у меня есть на память о старике, сэр. Ну, кроме ветра с Пула.

Ваймс взял кольцо и потер пальцем. Это был перстень с печаткой, с выгравированным гербом. Годы, патина и постоянный контакт с телом капрала Шноббса сделали гравировку почти неразличимой.

– Да у тебя небось полно титулов, Шнобби.

Шнобби кивнул:

– Но у меня от них есть специальный шампунь, сэр.

Ваймс вздохнул. Он был честным человеком. Он всегда считал, что это один из главных его недостатков.

– Когда у тебя выдастся свободная минутка, загляни в Геральдическую палату на Моллимогской улице, ладно? Захвати с собой это кольцо и скажи, что это я тебя послал.

– Э-э-э...

– Тут нет никакого подвоха, Шнобби, – сказал Ваймс. – Не бойся, в переделку не попадешь. Ну, не на этот раз.

– Как скажете, сэр.

– И не обязательно называть меня «сэр», Шнобби.

– Есть, сэр.

Когда Шнобби ушел, Ваймс вытащил на свет потрепанную копию «Книги Пэров Твурпа», или, как он сам ее называл, справочника преступного мира. Обитателям трущоб не было места на этих страницах, зато здесь можно было найти их арендодателей. И, хотя проживание в трущобах считалось весомым аргументом в пользу преступных намерений, владение целым кварталом этих трущоб почему-то всего-навсего открывало двери на светские рауты.

В последнее время чуть ли не каждую неделю выходило обновленное издание. Дракон был прав по меньшей мере в одном. Анк-Морпорок грозил превратиться в форменный гербарий.

Он поискал в списке фамилий де Шноббсов.

Проклятье, даже у них был свой герб. С одной стороны его подпирал гиппопотам – предположительно один из королевских гиппопотамов, а значит, предок Родрика и Кита. С другой

– кто-то вроде быка, подозрительно похожий на Шнобби. Он держал золотой крест, который наверняка где-то умыкнул – это все-таки был герб де Шноббсов. Герб был красно-зеленый, с белым шевроном, на котором красовались пять яблок. Их значение было для Ваймса неочевидным. Может, это был очередной потешный каламбур, от которого вся Геральдическая палата ухахатывалась и хлопала в ладоши. Хотя если Дракон, Король Гербов, слишком сильно хлопнет в ладоши, он рискует остаться без рук.

Вообразить Шнобби снобом-аристократом было легче легкого. Его ошибка состояла в том, что он недостаточно широко мыслил. Он залезал в чужие дома и прибирал к рукам всякую малозначительную ерунду. Если бы он залезал на чужие континенты и прибирал к рукам целые города, в процессе жестоко убивая их жителей, он мигом стал бы столпом общества.

Фамилия Ваймса в книге не упоминалась.

Я-Сама-Справедливость Ваймс не был столпом общества. Он собственными руками убил короля. Это нужно было сделать, но общество, что бы мы ни понимали под этим словом, не всегда в восторге от людей, которые делают или говорят то, что нужно. Он не только короля предал смерти, что верно, то верно, но город катился ко дну, постоянно вспыхивали какие-то идиотские войны, нас едва не подмяла под себя Клатчская империя. Приятный тип уж точно не исправил бы ситуацию. История нуждалась в хирургии. И временами единственный подходящий хирургический инструмент – топор. В топоре есть что-то веское и окончательное. Но стоит убить одного дрянного королишку – и тебя уже называют цареубийцей. Как будто ты постоянно этим промышляешь...

Ваймс когда-то нашел в библиотеке Незримого Университета дневник Камнелица. Старик отличался суровым нравом, тут не поспоришь. Но и времена были суровые. В дневнике он написал: «Пускай же из горнила битвы выйдут новые люди, коих не прельстит былая ложь». Но былая ложь в конце концов победила.

Он сказал людям: «Вы свободны». И они закричали: «Ура!», а потом он показал им цену свободы, и они назвали его тираном и предали, немного потыкались в разные стороны, как цыплята, которые впервые высыпали из родного курятника во двор, и вернулись в тепло, и закрыли за собой дверь...

– Дзынь-дзынь, дон-дон.

Ваймс вздохнул и достал органайзер.

– Да?

– Напоминание: встреча с сапожником, два часа дня, – сообщил бес.

– Сейчас еще не два, да и в любом случае, это было во вторник, – сказал Ваймс.

– Тогда я вычеркну это из списка дел, да?

Ваймс пихнул неорганизованный органайзер обратно в карман и снова выглянул в окно.

У кого был мотив отравить лорда Витинари?

Нет, это неверный подход. Наверное, если отправиться на окраины города и свести круг подозреваемых к старушкам, которые почти не выходят из дома (что немудрено, когда дверь заклеена обоями), удалось бы найти кого-то, у кого *не было* мотива. Но Витинари оставался в живых, потому что устраивал дела таким образом, что будущее без него представлялось более рискованной перспективой, чем будущее с ним.

Выходит, решиться на его убийство мог только безумец – а безумцев в Анк-Морпорке хватало, боги свидетели, – или кто-то, кто не сомневался: если город рухнет, он окажется на самом верху этой груды обломков.

Если Фред прав – а сержант обычно служил хорошим примером того, как мыслят простые горожане, поскольку и сам был простым горожанином, – таким человеком был капитан Моркоу. Но Моркоу был одним из немногих жителей города, кому, кажется, нравился Витинари.

Конечно, был еще один человек, который выиграл бы от убийства патриция.

«Вот черт, – подумал Ваймс. – Это же я».

В дверь снова постучали. Этот стук он не опознал.

Он осторожно приоткрыл дверь.

– Это я, сэр. Задранец.

– Ну заходи тогда. – Было приятно осознавать, что хоть у кого-то в мире больше проблем, чем у Ваймса. – Как там его светлость, в каком он состоянии?

– В стабильном, – ответил Задранец.

– Смерть – это тоже стабильное состояние.

– Я имею в виду, что он жив, сэр. Сидит и читает. Доктор Пончик смешал для него какую-то липкую гадость, которая отдает водорослями, а я добавил туда клубеньковой соли. Сэр, помните того старика из дома на мосту?

– Какого ста... ах да. Точно. – Казалось, что это было уже давным-давно. – А что такое?

– Ну... Вы меня попросили осмотреться, и я... сделал несколько картинок. Вот, например. – Он протянул Ваймсу черный прямоугольник – почти черный.

– Странно. Это что такое?

– Э... Вы слышали теорию про глаза мертвеца, сэр?

– В теории я не силен, я как-то больше по практике.

– Ну, в общем... говорят...

– Кто говорит?

– Все говорят, сэр.

– Те самые «все» из фразы «всем известно»? Те, из кого состоит «общество»?

– Да, сэр. Видимо, они.

Ваймс махнул рукой.

– А, эти. Ну, продолжай.

– Говорят, что в глазах у мертвеца отражается последнее, что он видел при жизни.

– Слышал, да. Но это все старые сказки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.